

Избранница Хозяина холмов

Автор:

Елена Счастливая

Избранница Хозяина холмов

Елена Счастливая

Сбежать от ненавистного брака? Для дочери королевского советника нет ничего невозможного! Главное, случайно не попасться в руки названного жениха. Говорят, в нём спит проклятие королевского рода, способное превратить его в безжалостное чудовище. А моя магия – спасение от него. И пусть она давно продана принцу в обмен на союз королевств, я собираюсь постоять за свою свободу! В нашей борьбе правым окажется только один. Но, боюсь, что и живым – тоже.

Елена Счастливая

Избранница Хозяина холмов

Глава 1

– Ну что, милая, ты собираешься платить? – голос торговца становился всё более раздражённым.

Его маленькие зелёные, словно два осколка змеевика, глаза обшаривали меня с головы до пояса – остальное закрывал высокий прилавок, у которого я и рисковала теперь умереть от стыда. А может, и по другой причине. Потому что вокруг меня удивительно резво собирались люди, а среди них – солидные

громилы, которые могли прихлопнуть меня одним ударом.

Я же всё неверяще шарила по поясу, на котором – точно помнила – ещё недавно висел кошель с монетами. Не так уж много их там было, не такая я дура, чтобы носить с собой все запасы, но на покупку фибулы вместо сломанной и некоторых других мелочей в дорогу должно было хватить.

– Знаете, я, наверное, не буду брать её. – Отчаявшись отыскать кошель, я положила застёжку обратно на укрытый атласной тканью прилавок. – Меня, представляете, кажется, обокрали! Вот!

Я продемонстрировала обрезанный явно очень острым лезвием ремешок. Торговец недоверчиво нахмурился, сведя густые рыжие брови. Цыкнул, показав чёрный провал вместо одного переднего зуба.

– А может, ты обкрасть меня хотела? – выдал он неожиданно. И повторил отчётливо и громко: – Обкрасть.

Да он что, с ума спятил совсем?!

– Что вы себе позволяете! – рявкнула я, выпрямляя спину. – Больно нужно. Я только фибулу хотела купить!

Так и хотелось добавить, что Тавиана де ла Исла, дочь советника Лисварха, друга самого короля Вархассии, просто не может быть воровкой. Но сейчас я никто, просто путница, и должна скрывать своё имя. До тех пор, пока не доберусь до нужного места. Да и вряд ли все эти мужланы и женщины с потемневшими от работы под солнцем лицами и руками способны оценить моё происхождение. Пустое сотрясение воздуха.

– А чего это ты тогда тут шарисься? Стояла возле прилавка моего всё утро, – разошёлся усатый торгаш. Преувеличил, надо сказать. Вовсе не всё утро! – Ничего не брала. Зыркала всё. Райди! Проверь-ка её сумку.

Я шарахнулась прочь от потного верзилы, который стоял рядом с торговцем в тени навеса, а теперь вдруг угрожающе двинулся на меня. Он что, и правда собирается меня обыскивать?

– Не подходите ко мне!

И снова уверенным жестом схватилась за пояс, да вот только подаренного отцом кинжала на нём тоже не оказалось. Слишком дорогая вещь, чтобы носить на глазах у всех. Хозяйственный ножик висел чуть ниже, чем я привыкла, и потому понадобилось время, чтобы его нашарить.

Не успела: кто-то схватил меня за руку. Какая-то женщина, которая хрипло выкаркивала у моего уха подстрекательства к обыску “белобрысой девки”. Я обвела толпу вокруг взглядом в поисках Лелии, но она, похоже, хорошо куда-то запропастилась. И вот угораздило же отправить её за лечебными травами! В такой неподходящий момент.

Тем временем огромный, точно буйвол, Райди уже почти ткнул меня пузом в живот – так близко подошёл. От него пахло вчерашним хмелем и потом, мне даже захотелось прикрыть нос ладонью. Он схватил мою поясную сумку и бесцеремонно сунул туда руку, пока кто-то из услужливых горожан держал меня.

– О! – через миг удовлетворённо выдал громила. – Да тут – смотри!

И он вынул целую пригоршню каких-то совершенно незнакомых мне мелочей: заколки, браслет, подвеска, пара колец. Я только глазами хлопнула, созерцая всё это блестящее “не моё” в огромной ручище Райди. Торговец усмехнулся, щуря змеиные глаза. Поскрёб блестящую от пота шею над необычайно богато расшитым воротом ярко-голубой рубахи такого кроя, который носили обычно мужчины с Маринийских островов.

– Это не моё, – безнадёжно выдала я.

– Конечно, не твоё! – издевательски хлопнул себя ладонями по ляжкам островитянин. – Потому что ты это украли!

– Я не крали!

Только бы не впасть в истерику, но она вместе с нарастающей паникой уже заливала мне голову горячим мраком.

– Госпожа! – донёлся откуда-то из-за спин голос Лелии. Какая я ей госпожа! Мы же договаривались, что она в дороге не станет так меня называть.

Но сейчас уже неважно, главное, что служанка отыскалась наконец. Да только, кажется, поздно. Потому что смердящий Райди уже выдрал меня из рук пленителей, явно собираясь куда-то вести. Где стража, в конце-то концов? Я же видела здесь сегодня стражу, которая должна блюсти порядок на рынке!

– Придётся разбираться, – задушевно шепнул мне на ухо головорез. – И платить.

– Госпожа!

Я натолкнулась взглядом на испуганное до серой бледности лицо служанки.

– Лелия, найди Илари. Скорее. Пусть говорит с управляющим рынка. Это ошибка!

Девушка закивала, но у меня возникли большие сомнения, что она поняла, чего я от неё хочу. Слишком много испуга было в её глазах – такого, от которого вмиг тупеют даже самые смышлёные люди. Тем временем Райди уже потащил меня куда-то в проход между прилавками. А горожане, явно довольные зрелищем поимки воровки, не торопились расходиться.

– Эй, Дамас! – вдруг крикнул кто-то из мужчин позади. Его голос звонко и обнадёживающе качнулся над головами зевак. – Тебя ведь зовут Дамас, верно?

Я вывернула шею, пытаюсь разглядеть того, кто заставил усердно пыхтящего в попытке утащить меня поскорее Райди остановиться и даже втянуть голову в плечи. Торговец подозрительно прищурился, оперевшись взглядом в кого-то, кто шёл к нему. И горожане смолкали, расступаясь.

– Верно, сеньор, – осторожно подтвердил он.

И я почти повисла в руках верзилы, когда Дамас сделал ему знак остановиться, а перед ним словно из-под земли вырос высокий молодой мужчина в хитро повязанном вокруг головы длинном платке, один из концов которого закрывал его лицо до носа. Блестящие чёрные глаза в обрамлении длинных ресниц под чуть низковато нависающими бровями внимательно оглядывали торговца и его

прилавок – не такой уж богатый, чтобы кому-то хотелось на нём поживиться.

– Я слышал о тебе, Дамас, – спокойно продолжил незнакомец. – Везёшь свой товар издалека, с Маринийских островов через Вархассию и Джинарию на самый север.

Он взял с покрывала ту самую фибулу, которую я так и не купила, и ловко перекинул её между пальцами, словно монетку. Чуть поодаль от него с разных сторон встали несколько мужчин – вооружённых. Неужели стража? Не похожи. Слишком колоритный у них предводитель, одетый в светло-серые льняные брюки, рубашку, удивительно белую для такого пыльного дня, и светло-зелёную тунику поверх неё. Кажется, в его облике не за что зацепиться, когда закрыта большая часть лица, но глаза и руки с длинными ловкими пальцами, широкими, привыкшими к оружию ладонями – от них сложно было отвести взгляд.

– Всё верно, сеньор, – удивительно почтительно наклонил голову торговец, не переставая, однако, наблюдать за движениями мужчины. – Чего вы хотите?

– Я слышал о тебе ещё много всего любопытного, – не ответил прямо незнакомец. – Что ты горазд хитрить и обманывать честных людей. – И вдруг вынул из-за пазухи мой кошелёк.

Точно мой!

Голос мужчины стал гораздо громче, будто тот желал, чтобы это услышали все. И горожане тут же неодобрительно загомонили.

– Это мой кошелёк! – не выдержала я, рванувшись из ставшей уже не столь уверенной хватки Райди. – Мой! Его у меня украли.

Незнакомец коротко на меня покосился – и в затылок мне словно бы влажным холодом стрельнуло. Я смолкла, почувствовав, что в моей помощи он сейчас точно не нуждается. А вот я в его – как никогда и ни в чьей раньше.

– И что вы хотите сказать? – начал злиться торговец.

– Я отобрал его у одного из мальчишек, что десятками шарятся по рынку в поисках невнимательных, увлечённых изучением прилавков людей. Таких, как эта девушка. – Спаситель качнул головой в мою сторону. – И большинство из них платят часть своего улова таким, как ты.

– Это злостная ложь! – рявкнул Дамас. – С чего вы взяли?

– С того же, с чего ты взял, что эта девушка решила тебя обокрасть. Думаю, и эти безделушки в сумку к ней подкинул тот же воришка. Чтобы ты мог её обвинить и стрясти затем всё, что у неё есть. А может, потребовать и другую плату. Верно, Дамас?

Толпа вновь всколыхнулась недовольным гулом. Теперь уже отовсюду слышались требования меня отпустить. А торговец забежал взглядом вокруг, явно чуя, что всё повернулось не в его пользу.

– Это и правда ошибка, сеньор. Точно ошибка. Наверное, она это всё купила у кого-то другого. – Он разобрал пальцем лежащую перед ним кучку украшений. – Точно! Это и не мой товар вовсе!

Незнакомец недоверчиво качнул головой, сощутив необычного разреза глаза – только сейчас я это заметила. Он шагнул в сторону, протянул ко мне руку и поманил к себе. Райди ещё мгновение удерживал меня, но всё же отпустил, повинувшись приказу в мрачном взгляде хозяина.

Я рванулась вперёд и остановилась рядом с незнакомцем, так и не решившись взять его за руку. Ещё чего. Спасибо ему, конечно, но кто он такой, я знать не знаю!

– Вот и хорошо, что мы уладили всё недопонимание, Дамас, – ничуть не оскорбился тем мужчина.

Торговец же, кивая, сгрёб все якобы украденные мной вещи в горсть и попытался всучить мне.

– Вот, возьмите, сеньора. – Надо же, как заговорил! – Возьмите. Это ваше.

– Это не моё! – отрезала я, вырвав из чуть влажных и липких пальцев торговца руку. – Это мне подбросили!

Захотелось тут же отмыться от всей грязи, что здесь на меня вылили. От всех прикосновений и взглядов. Лелия тут же подскочила ко мне, тихо, облегчённо всхлипывая. Я взмахом руки велела ей помалкивать. Как бы она ещё чего не выдала окружающим. Уже и так во всеуслышание называла меня госпожой. Как бы кто не заинтересовался, что за госпожа такая. Если за мной уже отправили погоню, это может только облегчить поиски меня. У короля Кранмана, во дворце которого мы с отцом гостили по пути в далёкий Глиннхайн, наверняка повсюду свои люди. Другое дело, что они вряд ли знают меня в лицо. А потому будут опираться на то, что услышат, и делать выводы.

– Пойдёмте, я вас провожу, – спокойно проговорил незнакомец. – Пока вы не влипли ещё в какую передрагу.

– Спасибо вам, сеньор! – торопливо проговорила я, не зная, что ещё сказать. – Что помогли.

Всё же, несмотря на помощь, он тоже выглядел очень подозрительно и... своеобразно.

– Спасибо, – эхом повторила Лелия.

Он взмахом руки позвал нас идти следом – и мы посеменили за ним, проталкиваясь между горожанами, которые ещё не собирались расходиться – стояли у прилавка злого, как Ценсиосский лев, Дамаса и, кажется, решали, не стоит ли его побить, а то и вовсе прогнать с такого хорошего и прибыльного места.

– Вам не стоит ходить по таким местам, – вновь обратился ко мне спаситель, когда мы вышли в более свободный ряд. – Одной. И даже со служанкой. Такие, как вы, просто притягивают к себе взгляды, а значит, неприятности.

Я невольно оглядела себя: какие взгляды? Платье довольно простое, нарочно подготовила ещё дома, украшений нет, волосы сплетены в обычную косу.

– О чём вы говорите? – сердито бросила я вслед незнакомцу. – И что значит “такие, как вы”?

Пусть объяснится. Может, я что-то не учла? Хотя и старалась.

Тот обернулся ко мне всем телом и остановился: я едва не налетела на него, отвлекшись на выкрик булочника в стороне. Подняла взгляд – и чёрные лезвия глаз мужчины едва на куски меня не порезали. Как будто он точно видел, что у меня внутри. И в мыслях в том числе. Безжалостный кусок скалы – вот кого он мне сейчас напомнил.

– Вы пытаетесь прикинуться простой путницей, но по вам можно прочитать высокое происхождение, как по развёрнутому свитку. Насколько высокое – уже неважно. Платье на вас простое, но из довольно дорогой ткани. Кошелёк из тонкой, по-особенному выделанной кожи. Такие весьма дороги. – Он наконец вернул его мне. А до этого нёс, сжимая в большой ладони. Но едва я протянула за ним руку, как мужчина схватил моё запястье. – У вас гладкие руки. – Он прошёлся большим пальцем по затвердевшим без перчаток подушечкам. И это прикосновение отдалось смутной дрожью где-то в груди. – Они раньше держали только иглу или книги. Хотя есть свежие мозоли – похоже, от поводов. Вы не слишком расстроились потере денег, значит, они у вас ещё есть. Вы больше испугались, когда к вам приблизился тот наёмник, – брезгливость. У вас ухоженные волосы. Необычного цвета. Вы, кажется, стараетесь мыть их при первой же возможности. Хотя в пути этим озадачиваются не так много женщин, или хотя бы не так часто. К тому же они явно недавно обрезаны: кончики ровные, гладкие. И вы проводите по ним слишком долгим жестом, будто ждёте, что ваша коса будет длиннее. А длинные волосы могут позволить себе те, кто может содержать их в надлежащем порядке. Продолжать?

– Не нужно. – Я помотала головой, чувствуя, как щёки и кончики ушей наливаются теплом.

– И это всё замечаю не только я. – Незнакомец вновь пошёл вперёд, а я за ним. – У торговцев и воров глаз на то намётан гораздо лучше. Потому-то вы и стали для них сладким кусочком, на котором можно было неплохо разжиться. Да, вы поступили осмотрительно: взяли с собой только необходимую часть денег. Но с вас стрясли бы всё. За вашу свободу. Да ещё, скорее всего, хорошо повалили бы в пыльной караванной кибитке, прежде чем отпустить.

– Скажете тоже, – проворчала я, прекрасно понимая, что он, скорее всего, прав.

– Я сказал бы вам ещё больше, – ровно парировал мужчина. – Но, боюсь, подробности вредны для таких неопытных девиц, как вы.

“Как вы” – вот заладил! Как будто таких, как я, он видел уже сотню-другую и успел хорошенько изучить.

Но подробностей мне и правда не хотелось. Достаточно было сальных взглядов Райди и его хозяина. Такие никогда не упустят возможности унижить того, кто слабее. Правда, они вряд ли знали, что я вовсе не одна, со мной Илари, молодой опытный воин, и он обязательно вступился бы, узнай, что случилось. Ему я доверяла гораздо больше, чем даже этому незнакомцу. Пусть у него такая солидная охрана и видно, что сам он меч не для красоты на поясе носит.

– А куда вы собрались меня провожать? – вдруг спохватилась я.

Он сказал, проводит. Как будто знает, куда надо идти.

– Вы же остановились на постоялом дворе “Резная ложка”? – Мужчина мельком ко мне обернулся.

Я даже шаг приостановила.

– Откуда вы знаете? Вы что, следите за мной?!

Конечно же! Как бы он тогда появился так вовремя, если бы не следил. Не попасть бы с его помощью в ещё большие неприятности, чем с торговцем. Я огляделась, отмечая, сколько вокруг людей моего провожатого. Они шли чуть позади, но держались довольно близко. Не скрывались и спокойно переговаривались между собой. Их-то лица не были закрыты, но по ним нельзя было точно сказать, откуда они прибыли. Черты довольно суровые. Кто-то с бородой, а кто-то гладко выбрит. Мало загара на коже – значит, скорее всего, откуда-то с севера. Вальдерлессцы? Я видела их не так много, чтобы сказать точно.

– Такая, как вы, могла остановиться только там, – тем временем рассудил мужчина. – Постоялый двор не слишком богатый, но довольно чистый. Через него проходит много путников, и затеряться среди них гораздо легче. К тому же... Я тоже остановился там и видел вас сегодня рано утром. Как раз когда вы отправились на рынок.

Ах вот оно что! От сердца даже немного отлегло.

Но почему тогда я его не видела? Такого сложно не заметить. И он ещё говорит мне о том, что я привлекаю к себе много взглядов. Сам-то! Вон все женщины на улице, по которой мы, уже покинув душные объятия рынка, как раз шли к постоялому двору, едва головы себе не сворачивали вслед загадочному мужчине. Шептались, конечно же, улыбались, если кому-то удавалось поймать хотя бы мимолётный его взгляд.

Даже детишкам, кажется, в радость видеть такого необычного воина – а он точно воин! В этом я, выросшая в напичканном стражей доме, неплохо разбиралась. У моего отца даже есть своё собственное небольшое войско, готовое в любой миг выступить в поддержку короля.

Потому восторг местной ребятни по поводу шествующих по улице мужчин я вполне могла понять. Кучка девочек и мальчиков, что играли в небольшом открытом дворе между домами, даже рты пораскрывали, глядя на молодого предводителя и его солидное сопровождение. Заверещали, толкаясь, пытаюсь подобраться ближе, чтобы получше рассмотреть, тыкали пальчиками в его сторону. Вдруг одна девочка в ярком бирюзовом платье, что-то сердито высказав другу, бегом понеслась поперёк улицы на другую сторону, словно увидела кого-то.

И ладно бы, но нам навстречу как раз неслись несколько всадников, явно куда-то торопясь. Они распугивали в стороны бранящихся им вслед горожан, но даже и голов не поворачивали.

Малышка бежала, приподняв подол до колен, её светлые кудряшки подпрыгивали при каждом шаге. Она обернулась, явно ожидая, что кто-то её догонит – наверное, тот самый мальчик, – и совсем перестала смотреть по сторонам.

Грохот копыт стал оглушительным. Я вскинулась, бросилась вперёд, наперерез ей, путаясь в непривычно тяжёлом подоле. Такие плотные платья я раньше почти не носила.

– Стой! – крикнула малышке, уже представив, как сметает её с ног широкая грудь первого в веренице жеребца, как копыта ударяют в хрупкое тельце.

– Госпожа! – опять позабыв об осторожности, взывала Лелия. – Сеньор!

Незнакомец попытался меня удержать, но слишком поздно. Он разве не видит, что сейчас случится? Или ему всё равно?!

Конь головного всадника уже был на расстоянии вытянутой руки. Он недовольно заржал, привстал на задние ноги и качнулся в сторону. Я сгребла в охапку девочку. Та вцепилась мне в шею. Повихляв из стороны в сторону, чтобы не попасть под копыта других лошадей, мы наконец упали и кубарем покатались по твёрдой пыльной брусчатке – из лёгких вышибло весь воздух, в плече стрельнула ослепительная боль.

– Смотри же, куда бежишь! – с укором проворчала я, охая, переворачиваясь на бок, когда небо и земля перестали кувыркаться перед глазами.

Но девочки в бирюзовом платье рядом не оказалось. Ничего не оказалось из того, что я видела всего миг назад. Впереди на немыслимую даль простирались тёмно-зелёные холмы, окутанные куделями туманов. Вилась в стороне каменистая дорожка, уходя вверх по склону. Лёгкой прохладой на плечах оседал мелкий дождь. Я поёжилась и встала, стряхивая сырость с кожи. Тут даже в платье из плотного льна долго не протянешь. Пробирает дрожью до самых костей.

И тут бирюзовое пятнышко мелькнуло чуть в стороне, такое яркое посреди тёмно-зеленой мрачности. Та самая девочка стояла впереди, глядя куда-то на другой, скрытый за горбами холмов конец дороги, словно видела сквозь них.

– Эй, нянька! – позвала я её, не зная, как обратиться. – Что ты сделала, где мы?

Девочка обернулась, обхватив щуплые плечики руками. Её вьющиеся волосы распушились и прилипли мелкими прядками к шее.

Позади раздался громкий треск и шорох, словно кто-то нёсся через кусты. Не один человек – много. И всадники. Я попятилась, не зная, куда отступить, чтобы не попасть под копыта коней, что сейчас во весь опор наверняка вывалятся на тропу. Снова? Полумрак густого и тёмного – совсем не такого, как в родной Вархассии, – леса рассекла блестящая мускулистая грудь вороного коня. И он весь неспешной рысью вышел на свет, выпуская из ноздрей тонкие струйки пара.

Всадник, что вёл его, был облачён в плотный серый, с чернением, доспех, тусклый, тронутый ржавчиной; мерцала кольчуга в тени широкого шерстяного плаща, который укрывал его плечи. А под капюшоном, глубоко надвинутом на глаза, едва ли можно было разобрать очертания лица.

– Кто ты? – громко спросила я, понемногу пятась. – Чего ты хочешь?

Кем бы ни была эта девочка, а её, наверное, надо защитить. Потому что вслед за первым всадником уже выезжали остальные – и вид их был не менее жутким. Надолго меня против такого войска не хватит, но и сдаваться я тоже не собиралась!

Но тут главарь молча спешил, прошёл мимо и, сняв с локтя висевший на нём детский плащ, отороченный рыжим мехом, накинул его малышке на плечи. Та прижалась на миг к его боку, шепнула что-то, кивнув на меня, дрожащую от холода, так и стоящую чуть в стороне, совершенно ничего не понимающую.

Наверное, всадник поднял на меня глаза – я не видела их в глубине тени, которая клубилась под его капюшоном, словно жила своей жизнью.

– Нет, – веско бросил он и повёл девочку за собой.

Она упёрлась ножками в землю и потянула его за руку, гневно хмурия брови. Но покровитель явно не собирался её слушать.

– Куда ты её ведёшь? – Я сделала ещё шаг к нему, чувствуя, как мокрая ткань липнет к бёдрам. – Отпусти! Где я оказалась, скажи хоть!

Но тот и головы не повернул, а малышка вдруг взглянула на меня так внимательно, по-взрослому, что по спине, и без того уже покрытой гусиной кожей, пробежала волна озноба.

– Ты должна быть здесь. Ты нужна... – проговорила малышка.

И, перестав сопротивляться, пошла за мужчиной. Он усадил её в седло и сам забрался следом. Они что, оставят меня здесь мёрзнуть под дождём? Где жильё? Куда идти? Я ничего не знаю. Сгину в этих холмах раньше, чем доберусь в тепло, даже если идти по дороге! Может, тут даже водятся дикие звери. Конечно, водятся! В такой-то дикой глуши.

И как же меня угораздило-то?

Страшное воинство, мало похожее на обычных людей, развернулось и вновь скрылось во влажном сумрачном лесу, словно его тут и не было всего миг назад. Девочка только один раз обернулась, выглянув из-за плеча своего внушительного провожатого. Я же сглотнула, озираясь, закрыла глаза и провела холодной ладонью по лицу. Что же это такое?

Но пока я ещё решала, что же мне делать и в какую сторону податься, меня вдруг словно начало засасывать в некую топкую глубину. Хотелось двинуться с места – но не получалось. Мысли понемногу размывались. И вдруг меня окутал приглушённый свет. Тело расслабилось с благодарностью, когда испытание его холодом и сыростью вмиг прекратилось. Я поддалась невероятной поглощающей меня силе, а через миг вздрогнула и открыла глаза, ощутив тепло разожжённой где-то поблизости свечи, слыша встревоженные голоса.

– Донья, – всхлипнула Лелия, наклоняясь надо мной. – Что с вами случилось?

Я огляделась. Оказалось, лежала в своей постели на постоялом дворе, опираясь спиной на подоткнутые под неё подушки. Вокруг собрались служанки – кто с водой в небольшом тазу, кто с полотенцем, кто с мешочком каких-то трав. И все смотрели на меня с явственным ужасом, будто перед ними какое-то неведомое чудовище.

– Зачем вы бросились под копыта, донья Тавиана? – голос Илари заставил меня повернуться к нему. – Выйдите все!

Он окинул взглядом притихших женщин. И они, поклонившись, одна за другой покинули комнату.

Илари и правда мог сойти за высокородного мужчину. Он даже как будто возмужал за дни нашего побега ещё сильнее – такой серьёзный сейчас, хотя куда уж больше. Болотного цвета глаза его переливались отсветами огонька свечи, в чуть распахнутом вороте рубашки было видно крепкую шею и немного – широкую грудь. Илари откинул от лица вьющиеся волосы цвета жженого сахара и замер, ожидая от меня вразумительного ответа.

Но тот, который у меня был, ему тоже не понравится.

Магия, доставшаяся мне от матери – чистокровной наследницы сидхе, потомков Старых богов, – с наступлением совершеннолетия стала проявлять себя гораздо чаще. С каждым годом я всё лучше чувствовала природные потоки энергий, из которых могла черпать целительные силы. Они пронизывали всё вокруг, даже людей и животных. Но если брать магию из деревьев, земли и камней не было чем-то запрещённым, то из живых существ считалось страшным преступлением. Лишь извращённые души могли на такое решиться. Но мои умения ещё оставались нестабильными: обучать меня управлять ими было некому. И потому порой переизбытки моей внутренней силы выливались в смутные безлюдные видения-сны. Но всё, что происходило со мной в последнем видении, казалось таким реальным, словно я и правда оказалась совсем в другом месте.

И это казалось очень... очень скверным. А значит, добраться до матери мне нужно как можно скорее.

И на этом пути я могла доверять только двоим: своей помощнице Лелии и сыну начальника стражи отцовского поместья – Илари, которого знала с детства. Ему при исправной службе прочили неплохие высоты в будущем, и он очень сильно рисковал, поддержав меня в побеге. А если со мной будет приключаться нечто подобное и дальше, это только усложнит нам путь. Оставалось надеяться, что его чувства, в которых он постоянно пытался меня убедить, всё же перекроют опаску перед моим отцом.

– Там была девочка... – ещё раз всё обдумав, неуверенно проговорила я. – Её затоптали бы всадники.

И тут же поняла глупость своих слов. Потому что никакой девочки, конечно же, вовсе не было. Был ли тот незнакомец, что спас меня на рынке? Сейчас и он казался миражом.

– Это опять началось? – Илари нахмурился, убирая от моего лица серебристые пряди.

Он один из немногих, кто знал о моих, если можно так сказать, особенностях. И они его, кажется, вовсе не пугали.

– Я не знаю. Ещё не было так сильно. Так... правдоподобно.

– Кто он такой? – Илари чуть сощурился. – Тот, кто принёс тебя сюда. С замотанным лицом. Так в Вархассии ходят только разбойники.

– А в Аренаре – пустынные воины, – возразила я. – И в этом нет ничего страшного. Он помог мне. На рынке, когда...

– Лелия рассказала, – прервал меня Илари. – И ты точно не знаешь его?

Вот подобная ревность сейчас вообще не к месту! Я села, спустив ноги на пол, и точно попала в оставленные у кровати туфли.

– Не знаю. Видела впервые в жизни. Он ушёл?

– Сразу, как только принёс тебя. Как будто торопился куда-то.

И хорошо. Его очередного подозрительного взгляда мне хотелось сейчас меньше всего. Я кивнула Илари – и тот сгрёб меня за плечи в свои большие тёплые объятия. Его сердце встревоженно колотилось, дыхание было широким и быстрым. Волнуется?

Правда волнуется. Такое не подделать!

И мне бы проникнуться лестной тревогой Илари за меня, но почему-то тот спаситель поневоле всё никак не выходил из головы. Кто же он такой? Надо расспросить здешних служанок: они наверняка знают. Судя по всему, он опытный путник и умелый воин. Куда он направляется? Может, нам по пути и он не откажется сопроводить? Я могла бы заплатить ему...

Погрузившись в размышления, я и не заметила даже, как изменилось настроение Илари. Как его руки, что мгновение назад обнимали меня так бережно и ненавязчиво, стали вдруг твёрдо-настойчивыми.

– Скоро сюда вернётся Лелия, – шепнул он, склонившись к моему лицу. Замер в ожидании, не делая последнего шага.

Как будто давал мне выбор, хоть его, кажется, уже давно не осталось. Иначе меня не было бы на этом постоялом дворе. А чего хочет Илари, истинный сын Вархасского солнца, такой же обжигающий и неугасающий, я давно знала. Он позволил себе это всего один раз и схлопотал по лицу с требованием больше никогда не повторять без разрешения. И сколько бы ни было дальше встреч, сколько бы ни урывали мы мгновений остаться наедине, что-то меня держало от излишних вольностей. Наверное, понимание, что будущее наше очень смутно, особенно тогда, когда идут с севера тревожные вести о новых нападениях варваров из-за моря, что напирают уже на джинарийские прибрежные земли.

Особенно тогда, когда отец прочил мне замужество с принцем Атайром, наследником Глиннхайна – королевства бескрайних холмов, густых лесов и туманов.

– Пусти, Илари, – через бесконечное число глухих ударов сердца выдохнула я.

Толкнула его в грудь и едва не рухнула обратно.

– Ты мучаешь меня, Тави, молчишь и смотришь, – вдруг разозлился он. – Я не могу никого видеть, кроме тебя. Ты всегда передо мной. И днём, и ночью. Ночью это особенно мучительно. И теперь, когда мы вместе на этом пути...

Он склонился ещё немного, почти прижимая меня к постели, и провёл носом вверх по моей щеке до виска.

Лёгкие шаги за дверью заставили нас отшатнуться друг от друга. Илари встал, как только Лелия вошла в комнату. Поклонился мне, словно чужой, как всегда было в доме отца, и удалился.

Обиделся. Кажется, он воспринимал всё это путешествие как обещание от меня. А я и не знала толком, имею ли право что-то ему обещать.

– Как хорошо, что вы пришли в себя, донья. – Служанка покачала головой. – Когда вы кинулись под копыта, клянусь, я подумала, что вы с ума сошли.

– Тут кинешься, – проворчала я. – Не только под копыта.

Мысль о том, что первые дни моего побега прошли как-то слишком спокойно – до сегодняшнего утра, – не давали покоя. Напряжение внутри росло, я готова была и ночью ехать, чтобы поскорее и подальше убраться от столицы Джинарии. От опасности вскоре выйти замуж против собственной воли. Но, к сожалению, лошадям и людям всегда требуется отдых. И вот сегодня меня всё же догнали неприятности.

Я всё думала, что же это значит: девочка, её предсказание и этот всадник без лица... Если бы хоть кто-то мог мне объяснить.

– Ты узнала, где он остановился, в какой комнате? – спросила я Лелию, когда та прошла дальше и, остановившись у окна, задумчиво посмотрела во двор. – Тот мужчина. Он же помог мне. Он меня принёс?

Моя компаньонка всегда была рассудительной и смыслёной, когда не впадала в панику, как сегодня на рынке. А значит, могла подумать о том же, о чём я и, получше разглядев моего спасителя. Если он не разбойник – что вряд ли, – то вполне сгодится в союзники.

– Вы что же, собираетесь идти к нему? – Она приподняла брови, повернувшись ко мне. – Это неприлично! Молодой донье ходить по комнатам таких... Таких...

И сморщила нос так, будто всё, во что мы уже ввязались, ещё можно было назвать приличным. А вот встретиться с тем незнакомцем наедине, чтобы обсудить дело, – уже верх! Да-да.

Только вот уже сейчас, случись отцу всё же поймать меня, ему придётся звать особо уважаемых врачей, чтобы те подтвердили, что я по-прежнему невинна. Иначе принцу Атайру останется только скривиться от брезгливости при встрече со мной и отказаться от сомнительного предложения взять меня в жёны. А что, тоже выход! Ведь Глиннхайн, помимо прекрасного оружия и невероятно умелых воинов, славился ещё и своими строгими нравами. Руэльцы – народ, что населял это северное островное королевство, – всегда считали вархассцев, уроженцев горячих южных земель, распущенными и слишком свободными в своих желаниях. Хоть это и было неправдой.

Распушенность есть там, где ей позволяют появиться. И это не зависит от стороны света.

– Не говори, что ты не подумала о том же, о чём я, – пришлось чуть осадить Лелию. – Такое сопровождение нам было бы очень кстати.

Та на миг закатила глаза, выражая сомнение. Но всё же не стала возражать открыто.

– Раз уж он вам так интересен... Он сейчас как раз сидит в таверне, внизу, – вздохнула она с видом “если что, я ни в чём не виновата”. – Надеюсь, вам будет того достаточно и вы не пойдёте к нему в комнату.

Лучше бы обсудить с ним всё наедине. Но тогда Лелию и правда хватит удар от негодования. Потому я молча встала, поправляя платье и пояс, пригладила волосы редким гребнем. Взмахнула рукой, веля помощнице идти за мной. Желает сохранить мою репутацию – пусть везде ходит следом. Хоть это и глупо – сейчас, на людном постоялом дворе.

Мы спустились в шумную, но не такую уж забитую днём харчевню, наполненную пряными и чуть кисловатыми запахами. И тут же я пожалела, что не пошла через какой-нибудь задний двор, потому что едва не все взгляды людей тут же впились в меня. Я что, и правда такая заметная? Зато и тот незнакомец мгновенно попался мне на глаза. Настолько ярко он выделялся посреди бурозелёной – по любимым цветам одежды – толпы здешних людей. Всё же почему я не замечала его раньше?

Стараясь не волноваться, я прошла дальше и остановилась у его стола – прямо напротив старого очага, который сейчас, кажется, служил только для красоты: теперь во всех домах строят более удобные печи.

Первыми замолчали и посмотрели на нас с Лелией спутники мужчины, лицо которого так и оставалось закрытым. Как он ест, интересно? Наверное, только в своей комнате с тщательно запертой дверью.

– Вы что-то забыли? – Недавний спаситель поднял на меня взгляд. – Кошелёк я вам, кажется, вернул. А больше ничего не забирал, чтобы вы смотрели на меня так гневно.

Кто-то из его людей громко хмыкнул, и я могла поклясться, что глаза незнакомца улыбнулись. Ну конечно, как не уколоть девушку, которая, по его мнению, и ответить ему ничего не может.

– Я хотела вас поблагодарить. Что донесли до комнаты. Но теперь, кажется, передумала, – проговорила я, чуть вскидывая подбородок. – Вам, похоже, мои благодарности ни к чему.

– Всё верно, – согласился мужчина. – Как-то же я жил без них до сегодняшнего дня.

Вот же едкий какой! Точно щелочной камень, которым алхимики стирают забрызганные зельями портки.

– Тогда я предлагаю вам сопроводить меня, – постаралась я сохранить трещащую по швам невозмутимость. – Я готова заплатить за это. За безопасность. И за молчание.

Незнакомец нахмурился, как будто не мог поверить в то, что слышит. Но тут он вдруг встал – и я растеряла всё нахальство. Почти всё. На него ещё немного осталось.

– Я. Не. Наёмник, – весомо процедил он, глядя на меня сверху вниз. – И я не провожаю вздорных смазливых девиц туда, где их ждёт возлюбленный или очередные неприятности. А может, то и другое вместе. Потому что обычно такие

хорошенькие задницы привлекают их по несколько раз на дню. Первого знакомства с вами мне хватило.

И в груди словно горячий горох рассыпался от предчувствия исходящей от мужчины угрозы. Какая всё-таки подавляющая от него исходит сила... Я попыталась почувствовать её вкус – горький, словно корень аира. У каждого человека свой вкус энергии. Дотрагиваться до неё нежелательно, особенно таким, как я, но просто невозможно было удержаться! К тому же отголоски её показались смутно знакомыми. Нет, от них веяло прохладой ветреного морского побережья и чёрных, как смола, земель...

Однако, на удивление, незнакомец быстро пресёк мою попытку, словно бы почувствовал вторжение. Наверное, я действовала слишком грубо: деликатности в таких делах мне ещё учиться и учиться. Нашёлся бы только хороший наставник. И, кроме матери, на ум никто не приходил – но до неё ещё нужно добраться. Это мой двукратный спаситель точно подметил.

– Разве вас пугают неприятности? Или чужие женихи? – я улыбнулась, сложив руки на груди. Тут главное – сделать вид, что ничего не было. Что ему показалось.

Но въедливый взгляд этого каменного воина весьма красноречиво говорил, что он уверен в своих ощущениях. И они ему не понравились.

– Нет, – уронил он. – Но я не нянька, чтобы утирать вам слёзки в пути. На это у вас есть служанка.

Я невольно оглянулась проверить, не услышал ли это кто-нибудь посторонний. Он как будто нарочно произнёс последние слова так громко, чтобы всем стало известно. И пока я озиралась, мужчина сделал знак своим сопровождающим уходить. Они встали из-за длинного стола и последовали за ним.

– К тому же вы сильно смахиваете на буйнопомешанную, – бросил незнакомец напоследок. – Надо же! Кинуться под копыта лошадей. Может, вы ещё и кусаетесь...

– Чтобы прокусить вашу шкуру, даже Чашобному волку зубов не хватит! А я вообще не любительница заскорузлых подмётков, – от души огрызнулась я,

подозревая, что этому мшистому булыжнику в форме человека до моих слов не будет дела.

Так и есть! Он даже не обернулся и звука не издал, всё так же неспешно удаляясь. Лелия вздохнула за моим плечом. А подавальщица, которая принялась убирать остатки трапезы мужчин, тоже вздохнула, только мечтательно, провожая грубияна взглядом.

– Вы, похоже, ничего не знаете, сеньорита, – проговорила она с укором. – Это же сам Шассер.

Я закатила глаза. Ну да, как будто мне вмиг должно стать всё понятно. В Джинарии свои легенды и свои герои. А он как будто бы и правда герой, судя по восторженному тону девицы. Ну или хотя бы настолько загадочная личность, что ему готовы простить любые странности – вроде закрытого лица.

– Мне это ни о чём не говорит, – я вздохнула, уже повернувшись уходить.

– Охотник, – загадочно пояснила девица. – Говорят, он странствует по Старым землям в поисках остатков фоморов. Изгнанников, выроdkов Первых племён. Он убивает их порождения и вымесков.

Прекрасно! И угораздило же меня связаться с убийцей – пусть и демонических потомков. Наверное, даже хорошо, что он отказался сопровождать меня. Но, если подумать, какой всё-таки надменный гад этот любимчик провинциальных красоток. У самого руки по локоть в кровище, а девушку до места проводить не может. Как будто ему серебро лишнее.

– Это многое объясняет, – проворчала я, отходя от стола и позволяя подавальщице закончить работу по водружению на деревянный поднос опасно качающейся башни из мисок. – И что же, он постоянно в пути?

– Нет, – рассеянно покачала головой работница. – Он появляется здесь не так уж часто. Но зато его появление все запоминают. Но говорят, что он путешествует по всему следу Первых племён. И с каждым годом продвигается всё дальше на юг.

Значит, и в Вархассии когда-то появится. Но, наверное, я этого уже не узнаю, потому что в любом случае: удастся мне сбежать от замужества или нет, удастся или нет найти мать – домой я вряд ли вернусь.

Глава 2

В комнате с утра было упоительно прохладно. Всё же хорошо, что её окна выходят на теневую сторону постоянного двора. Лелия подняла меня несусветно рано, явно намереваясь тщательно собрать в дорогу. Словно на бал или торжественный приём у короля, честное слово!

Теперь я стояла перед мутноватым зеркалом, что даже не захватывало меня в полный рост, и понемногу впадала в дремоту от размеренных движений гребня, которыми помощница расчёсывала мне волосы. Жаль, но именно то, что приходилось сейчас видеть в отражении, отец счёл подходящим для скрепления союза с Глиннхайном. Говорят, женщины королевства Ста Холмов чаще всего темноволосые или рыжие. Если бы я всё же попала туда, на меня смотрели бы словно на белое пятно посреди привычной глазу картины.

До побега мои волосы и вовсе спускались ниже колен. За такой копной ухаживать было всегда трудно. Но черноволосой от природы Лелии это, кажется, доставляло какое-то удовольствие – и сейчас, похоже, она жалела об утерянном больше меня.

– Может, лучше было бы всё же отправиться в Глиннхайн, донья? – наконец вздохнула помощница.

Значит, эта мысль всё же догнала её, хоть поначалу она с твёрдой уверенностью согласилась ехать за мной, куда придётся.

– Тебе так хочется отдать меня замуж? – попыталась я пошутить.

Хоть у самой на душе было не слишком-то светло. Порой казалось, что я переоценила свои силы. Но затем всегда удавалось убедить себя, что всё это правильно. Разве не рядом с Илари я хотела бы пойти дальше? Разве не мечтала

стать однажды такой же могущественной сидхе, как мать? Пусть эта магия в Вархассии уже считается почти угасшей и устаревшей. На её место с востока словами проповедников пришла совсем другая вера.

– Что же плохого в замужестве? – Лелия приподняла брови. – Ведь вы его совсем не знаете. Принца Атайра. Вдруг руэльцы не так и плохи...

Она посмотрела изучающе, словно хотела заставить меня задуматься о том ещё раз.

– Они почти дикари, Лели. – Я резковато дёрнула плечом, сбрасывая руку помощницы, что слишком настойчиво поправляла и без того идеально уложенный в причёску локон.

Глупо прихорашиваться перед дорогой, когда ветер и пыль в лицо, когда всё внутри содрогается от тряского шага лошади.

– Дикари, не дикари, – заворчала товарка, – а даже я понимаю, что мир этот нужен вашему отцу как никогда. Торговые пути иссыхают, дорога по морю стала опасной. Горцы и правда могут помочь.

– Они ненавидят нас.

Я вздохнула и опустила взгляд на руки, до пальцев укрытые льняными рукавами. Чем дальше от Вархассии, тем прохладнее становится. А там, куда собирался отвезти меня отец, уже скоро наступят осенние холода. Там лёд и снег зимой. Я их никогда не видела. Но путешественники и купцы, что бывали в нашем доме, рассказывали, что он очень холодный. И многие боялись варваров-с-холмов. И я, если подумать, боялась тоже – верно, ещё и поэтому сбежала.

Чего только о них не болтали. Что они едва не голыми руками разорвали в клочья треть Вархасской армии в той войне, уже почти полсотни лет назад. После чего от них решено было отступить. Остались чужеземные светлокожие наложницы в постелях Вархасских господ, увезённые с родных земель. Осталось чужое оружие в трофеях на стенах замков. И шрамы на телах старых воинов, которые никогда не забудут тех битв и тех холмов, в туманах которых сгнуло столько их соратников.

– Они полюбили бы вас, – снова возразила Лелия. – Ваш отец – посол с даром Богов. Сама Мелиаса влила мёд в его уста. Он уговорит горцев пустить торговые корабли через их остров. Уговорит дать им безопасный путь по морю. Он уговорит их на мир. И на борьбу с аранами.

– Я хотела бы верить, что будет так. Но не хочу стать жертвой его договоров. Думаю, и без меня он найдёт выход. Раз уж Мелиаса одарила его впечатляющим красноречием.

Лелия только вздохнула тяжко, выражая тем всю глубину сомнений в правильности моих слов. Да и мне, признаться, становилось от них как-то мерзостно на душе. Но нельзя поддаваться голосу собственной совести перед отцом. Он не спросил моего мнения. Может, он и в любовницы Атайру меня отдал бы, если бы тот не пожелал брать дочь бывшего неприятеля в жёны.

Скоро со сборами было покончено, служанка унесла остатки завтрака вниз, и я, захватив свои вещи, что умещались, кроме седельной сумы, ещё и в плотном заплечном мешке, тоже направилась на задний двор через лестницу для прислуги. Не нужно мелькать перед глазами людей лишний раз. Вчера было достаточно.

Но едва я ступила на лестницу, как почти сразу подумала повернуть назад, потому что навстречу мне поднимался тот возмутительно нахальный Шассер. Его глаза сверкнули в полумраке спуска, он кивнул мне и даже отступил в сторону. Я, осторожно опуская ноги на чуть скрипучие ступени, попыталась проскочить мимо него поскорее, но ровно в тот миг, когда поравнялась с ним, мужчина коротким толчком прижал меня к стене своим крепким, твёрдым телом. Он и правда словно из камня сделан!

– Что вы себе позволяете?! – Я пихнула его в грудь ладонями и вытянула шею, силясь увидеть, если кто-то будет проходить внизу.

Надо позвать на помощь...

– Знаете, я тут подумал над вашим предложением, – задушевым шёпотом произнёс Шассер, заставив меня отложить панику.

– Оно уже не актуально, спасибо! – Я снова попыталась протиснуться вдоль стены, но мужчина упёрся в неё ладонью, преграждая мне путь.

– Да ну? Вы решили вернуться домой? Туда, где тепло, где о вас будут заботиться мамки и служанки? Где поклонник телячьим взором будет касаться вас лишь издали, будоража и волнуя такой пленительной недоступностью? Дорога к цели порой оказывается не столь романтичной, как представлялось... Верно?

– Вы последний, перед кем я буду отчитываться о своих решениях. – Я ударила его по руке, но та и на мизинец не сдвинулась с места.

– Значит, не передумали... – хмыкнул Шассер. – Я могу сопроводить вас... Но только деньги ваши мне не нужны.

Он спустился взглядом по моему лицу до застёжки плаща: Илари всё же купил мне её и подарил накануне вечером.

– Теряюсь в догадках... – фыркнула я, старательно отворачиваясь от опасно напирającego на меня мужчины.

– Вы можете расплатиться со мной несколько по-другому. Этого будет достаточно.

Он совершенно непринуждённым жестом отвёл от моего лица светлый локон. А у меня аж перед глазами потемнело на миг, в ушах ударила кровь от такой вопиющей наглости. Он за кого вообще меня держит? За отчаявшуюся дурочку?! За падшую девку, которая бежит от своего позора?

Я резко повернулась к нему, мечтая одним только взглядом сделать хорошую вмятину на его лбу. Его тёмные глаза с любопытством скользили по моему лицу, дыхание чуть шевелило завесу, что скрывала нос и губы.

Он как будто даже и не сомневается, что такое условие окажется для меня приемлемым! Как будто только и встречал раньше, что потаскух. Надо бы его проучить!

– А если... – Я перевела дух, пытаюсь изобразить волнение. – Если я соглашусь, вы снимете эту тряпку?

Взяла край её пальцами и как бы невзначай потянула вниз. Но Шассер бдительности не потерял и уверенно схватил моё запястье.

– Если мне понравится, то может быть. – От уголков его глаз разбежались морщинки.

– Если вам понравится... – медленно повторила я, смакуя каждое слово.

И лишь почувствовала, что хватка его пальцев чуть ослабла, резко дёрнула ткань. Вот сейчас и посмотрим на этого красавца! Если есть на что смотреть.

Но ничего увидеть я не успела, потому что ровно в тот же миг Шассер качнулся вперёд и припечатал меня сокрушительным поцелуем. Я ослепла от негодования и потрясения. Оглохла от метнувшейся к вискам крови. Задохнулась в потоке его жаркого дыхания.

Бум-бум-бум – отбилось сердце в ушах. Короткое скольжение мягких влажных губ по моим, ладони по талии. Тонкая струйка холодка по спине, будто моих внутренних сил вдруг коснулась скрытая чужая, – и охотник отстранился. И пока я, словно бы в забытьи, невероятно долго поднимала веки, он успел натянуть платок обратно до глаз.

– Это была шутка, донья. Удачной вам дороги, – бросил он и пошёл вверх по лестнице дальше.

Шутник, придави его тролль! А это, между прочим, мой первый настоящий поцелуй! Даже Илари не удавалось дотянуться.

Я провела тыльной стороной ладони по горячим губам, провожая Шассера взглядом искоса. Хорошо бы сейчас метнуть ему в спину что-нибудь тяжёлое, чтобы далеко не ушёл, а затем добить пощёчиной, но под рукой только лёгкий заплечный мешок – это несерьёзно.

– Надеюсь, судьба пошутит с вами похуже! – всё же собралась я с мыслями. – Когда в Леверрском борделе вам подсунут мальчика вместо женщины.

Шассер лишь громко хмыкнул на мой выпад. И как только он скрылся из вида, я едва не бегом припустила во двор.

Там меня ждали Илари и Лелия, и на их лицах уже читалось недоумение из-за моей задержки. Да я и сама не ожидала, что так выйдет. И забыть бы, но из головы не идёт.

Погода благоволила вполне приятному пути, сбрызнутая утренней росой дорога пахла мокрой пылью. Не слишком приветливый, как оказалось, городок Хоткойт остался позади вместе с проклятушим Шассером, а когда будет следующее поселение, я не знала толком. В Джинарии все дороги незнакомые, лишь знаю направление – и то по карте.

Признаться, я с трудом забралась на лошадь: за те три дня пути, что довелось проделать верхом, мне хорошенько натёрло голени даже через плотные шоссы, что надевала под платье. Мышцы ныли от постоянного напряжения, зад то и дело откликался смутной болью, неосторожно отбитый в тот миг, как моя кобыла однажды – конечно же, против моей воли! – решила прокатить меня хорошим галопом.

Вообще, с лошадьми у меня всегда складывались непростые отношения. Да тут некуда деваться. Решила сбежать от постылого замужества и навязанной судьбы – терпи. Илари обещал, что скоро мы встретимся с его хорошими знакомыми – ещё со времён, когда его семья несколько лет жила в Джинарии, – и они помогут нам в дальнейшем пути. Да только до них ещё надо было добраться.

Стараясь не обращать внимания на стоны непривычного к долгой езде верхом тела, я принялась размышлять над тем, что случилось со мной вчера. То странное видение с несуществующей девочкой всё не давало покоя. И те мрачные, пронизанные влагой холмы – уж больно напоминали они Глиннхайн, который я ещё никогда не видела, но вполне могла представить.

В такие моменты мне очень не хватало матери, которую я и не помнила толком: она ушла в служительницы Богини плодородия Айне, решив, что её земной путь

закончен. Уехала в далёкий, обособленный от крупных городов и деревень храм, где ещё почитали старых Богов. Отец рассказывал о ней мало, видясь не позволял, считая, что она лишь забьёт мне голову слишком возвышенными глупостями. Но вряд ли он тогда мог предположить, что её помощь мне и правда окажется нужна и сейчас я, возможно, не бежала бы прочь, будь она рядом.

Отец, кажется, не хотел это понимать.

– Нас кто-то догоняет, – настороженный голос Илари, что ехал впереди, вырвал меня из довольно мрачных размышлений.

Мы, как и всегда, старались ехать не слишком людными дорогами. Нас пока было всего трое – и противостоять разбойникам, что вполне могли попасться на одной из них, нам не хватило бы сил. Потому любые встречи могли обернуться опасностью.

Мы с Лелией одновременно обернулись: и правда, где-то вдалеке, отдаваясь эхом посреди глухого осинового леса, что окружал дорогу, раздавался нарастающим грохотом топот конских копыт. Пока ещё не было никого видно, но чужое присутствие ощущалось с каждым мигом всё яснее.

И наконец в отдалении от нас на тропе показались всадники. Довольно много – словно это было сопровождение какого-то важного аристократа или вельможи. Вон и карета небольшая подпрыгивает на ухабах. Надо бы пропустить. А то и кланяться придётся, изображая простолюдинов.

– Стойте! – окликнули нас зычно. – Именем короля, остановитесь!

Но оттого захотелось поехать ещё быстрее. Я уже приготовилась изо всех сил держаться в седле, если Илари вдруг решит, что нам лучше убраться отсюда поскорее. Возможно, он этого и хотел. Но навстречу – с противоположного конца дороги – выехали ещё всадники. Они преградили нам путь, и тогда-то мне стало совсем не по себе.

Конные приблизились, и у меня в висках точно молоточки заколотились, а сердце замерло. Потому что в украшении кареты и на одежде сопровождающих её всадников явно был изображён гербовый знак королевского дома Джинарии – Коуронов.

Значит, всё же отыскал нас король. Не так быстро, как можно было бы подумать. Но вряд ли это повод для гордости.

А в следующий миг и это позабылось, потому как чуть позади предводителя небольшого, но сурово выглядящего отряда, что сопровождал загадочную карету, я увидела всё того же Шассера. Он держался на лошади прямо, чуть величаво – не то что я, сгружённый в седло мешок с зерном, – и смотрел прямо на меня с вызовом, словно за что-то мне мстил. Как будто это я сегодня набросилась на него с поцелуями и предложила – пусть и в шутку – разделить со мной ложе.

Ему-то что здесь делать? Неужто он всё же служит королю Кранману?

Головной всадник отряда проехал мимо выступившего вперёд, готового говорить от имени всех нас Илари и остановился напротив меня.

– Донья Тавиана де ла Исла? – спросил важно, будто на приёме.

Прищурился, разглядывая моё лицо, хоть наверняка ни разу его раньше не видел.

– С чего вы взяли? – без особой надежды на успех возразила я.

Похоже, моё подтверждение было нужно посыльным короля постольку-поскольку. Потому как мужчины устало переглянулись и вновь уставились на меня с ещё большим раздражением.

– Меня зовут Сержин. Именем короля Кранмана и вашего отца, герцога Лисварха де ла Исла, вам приказано вернуться во дворец Леверра.

– Не знаю никакого герцога Лисварха, – решила я хоть немного запутать суровых воинов, которым погоня за девицей по городам и деревням Джинарии вряд ли доставила хоть какое-то удовольствие. Надежда мала, но вдруг?

Предводитель закатил глаза, Шассер громко хмыкнул, насмешливо прищурившись: ему-то откуда знать, как меня зовут? Что он вообще обо мне знает? Вряд ли всё.

– Этого взять под стражу, – неожиданно рявкнул Сержин, взмахом руки указав на Илари. – И не отпускать до прибытия в Леверр. Девушкам же я настоятельно рекомендую сесть в карету. Так удобнее будет путешествовать.

Сразу несколько мужчин спешили и, окружив Илари, немалыми усилиями всё же стащили его с лошади. Тот, бранясь, яростно попытался выкрутиться, но, посмотрев сначала на меня, а затем на предводителя всего этого самоуправства, замер. Его тут же пнули под колено, заставляя резко осесть и склонить голову.

– Что значит взять под стражу?! Отпустите его! – Я даже в седле заёрзала, уже собираясь спрыгивать на землю.

Лелия явно напряглась, не сводя с меня умоляющего взгляда. “Только без глупостей!” – так и читалось в нём.

– Ему будет назначено наказание, как только мы вернёмся ко двору его величества, – безразлично отозвался тот, кто назвался Сержином. – Подобное бесчестье не спускается с рук.

– Тронете его – и с вас самих снимут шкуру! – едва не взвизгнула я, уже сдавая себя со всеми потрохами.

Но стражников моя угроза, похоже, никак не тронула. Илари увели прочь, ко второй части окружившего нас отряда. Меня же настойчиво попросили спешиться, а затем проводили до кареты. С заметной осторожностью, между прочим. Но злости моей это никак не умалило.

Всё это время Шассер и его люди безучастно, однако с видимым любопытством наблюдали за тем, что происходит. Я остановилась у дверцы кареты, уперев в него неподвижный взгляд. И хотела бы раздавить им, словно какого-нибудь жучка, но броня этого мужчины, кажется, была покрепче полного джинарийского доспеха.

Похоже, именно он и рассказал обо мне королевским ищейкам. Рассказал все те подробности, которые выложил накануне мне. Что он получил от них? Может быть, награду побольше той, что я могла бы предложить ему за сопровождение. Наверное, поэтому и издевался.

Но как бы ни хотелось припечатать его хотя бы парой резких слов, пришлось взять себя в руки. Всё же я дочь советника, а не торговка на рынке, чтобы и дальше продолжать перепалку с королевской стражей или этим нахальным головорезом, который, кажется, мнит о себе слишком много.

– Садитесь в карету, донья, – напомнил мне Сержин, явно теряя терпение. – Ваш отец ждёт вас.

Ещё бы он меня не ждал! Отец наверняка уже перебрал в голове все самые страшные кары для меня. Все самые резкие слова, что опустит на мою голову. Как внезапно всё закончилось... А перед взором уже рисовались самые разные варианты будущего, которых я могла достичь, если бы всё же сумела сбежать так далеко, чтобы меня не достали.

– Куда увели Илари? – строго спросила я Сержина перед тем, как сесть в карету.

– Он поедет в другой повозке, – чему-то усмехаясь, ответил тот.

Я огляделась, но нигде пока не увидела ни его, ни второй повозки. Словно этот лес поглотил его без следа. На душе стало так ядовито оттого, что я втянула Илари в такие неприятности. Жалеет ли он? Если ещё нет, то очень скоро пожалеет, когда отец и правда решит отстегать его плетью. Или, может, придумает другое наказание. А значит, мне придётся приложить все усилия, использовать всю хитрость, чтобы этого не допустить.

– Вот теперь вы нашли для себя наиболее подходящее сопровождение, – вдруг заговорил мой вчерашний спаситель.

Да теперь уже не спаситель, а как раз таки наоборот. Посмеялся, отыгрался неведомо за что, ещё и награду наверняка получил! У него-то сегодня просто прекрасный день!

– Кто вы такой, чтобы решать, какое сопровождение мне нужно? – Я вновь передумала садиться в повозку, где меня уже ждала Лелия. – Кажется, вчера вам было всё равно.

– Мне и сейчас всё равно. – Мужчина пожал плечами. – Но всё же я считаю, что таким, как вы, не место на опасных дорогах посреди лесов Джинарии. Вряд ли вы добрались бы до места в целости, куда бы ни направлялись.

– Езжайте себе... мимо, – посоветовала я. – Пока я не выцарапала вам последнее, что на вашем лице открыто честным людям.

Незнакомец едва слышно усмехнулся и развернул своего коня – между прочим, очень даже ухоженного и дорогого, насколько я вообще в этом разбиралась. Его люди один за другим присоединились к нему, а стражники короля расступились перед ними, давая проехать.

Всё же странный мужчина. Кто он такой на самом деле? И почему этого загадочного Охотника так уважают все, кто хоть раз на него взглянет? Даже посланники короля Кранмана.

Я уселась в карете напротив притихшей Лелии и уставилась было в окно, чтобы поразмышлять, но мысли постоянно возвращались к Илари, который пропал неведомо куда. Отец вполне мог дать особые распоряжения на его счёт. К нему он давно относился с подозрением – с того самого мига, как заметил, что дочь и один из старшин стражи его имения слишком уж часто встречаются взглядами.

Он даже пригрозил мне однажды, что, если я посмею допустить к себе Илари слишком близко, он сделает так, что мы больше никогда не увидимся. Теперь я верила, что так может случиться, и это было одной из множества мыслей, что отравляли мне путь до Леверра.

Илари я так и не увидела до самого возвращения в столичную резиденцию короля Кранмана, хоть в дороге мы и останавливались на отдых или ночлег. Похоже, его повезли отдельно или с большим отставанием. О самых худших вариантах страшно было подумать.

Меня встретили так, словно я не возвращалась из побега, а приехала с самым тёплым визитом. Нас Лелией проводили в уже знакомую и так скоро покинутую комнату, слуги натаскали мне воды в ванну – смыть дорожную пыль. Но ни их забота, ни богато обставленные покои, расписанные фресками, изображающими дивных сказочных птиц, меня не радовали. Я двигалась словно бы бездумно, настолько постылым казалось всё, что снова меня окружало. А недавний побег и

вовсе начал казаться сном.

Приведя себя в порядок, чтобы не стыдно было показаться кому-то на глаза, я уже собралась было к отцу – требовать объяснений по поводу судьбы Илари, но он заявился ко мне сам.

Лелия постыдно сбежала, повинувшись раздражённому взмаху его руки. У двери встали королевские слуги, словно бы собираясь остановить меня, если вдруг я решу уйти без спроса.

– Надо было сгрузить тебя, как мешок, на корабль. Сразу, как ты вернулась, – начал с приятного отец. – Покаталась бы пару дней под палубой, может, поняла бы тогда, что учудила!

Он подошёл и остановился резко, заложив руки за спину. И по его взгляду я поняла, что этот вариант моего дальнейшего путешествия вполне себе возможен.

– Я тоже рада видеть тебя, отец! – Если бы из голоса можно было выжимать ехидство, с моих набралось бы его на целый стакан. – Я не вижу с тобой лекарей. С вот такими ручищами...

Я показала их, разведя ладони в стороны.

– Ты ещё и огрызаться будешь? – рыкнул отец. – С тебя станется назло мне и невинность свою отдать этому сопляку!

– Где он? – тут же зацепилась я за упоминание Илари. – Я не видела его всю дорогу до Леверра. Ты что, велел его убить?

Каким бы страшным ни было это предположение, а я всё ж не питала иллюзий по поводу отца. Я видела и слышала многое, что порой происходило в нашем имении, до меня долетали слухи и сплетни со двора короля Валерио. И каким бы герцог де ла Исла ни был дома, а его решения при правителе порой требовали жестокости.

Но не хотелось бы, чтобы в нынешнем случае.

– Не говори глупостей! – Отец возвёл очи горе. – Он поступил опрометчиво, но за это не заслуживает смерти. А вот ты своим поведением только доказала, как сильно похожа на мать!

Как будто это должно меня обидеть. Порой мне и правда казалось, что я нравом – не только внешностью – пошла в мать. Но иногда я находила в себе отцовских черт гораздо больше.

– Ты не считаешь, что воспитывать меня уже поздно? – Я пожала плечами, чем разозлила отца, кажется, ещё больше.

Он смерил меня неспешным взглядом, словно подбирал достаточно убийственный ответ, и вдруг вздохнул, чуть опустив плечи.

– Я волновался за тебя, Тави, – проговорил он уже спокойнее. – Как узнал, что вы уехали из замка только втроём... Ты хоть знаешь, кто сейчас может попасться в джинарийских лесах?

Например, охотник за фоморами – тут же припомнила я, хоть с нашей встречи прошло уже больше трёх дней. И, к своему стыду, я в дороге не раз задумывалась над нашим поцелуем. Перебирала ощущения от соприкосновения кожи и, кажется, даже наших энергий. Наверное, такое запоминается на всю жизнь.

– Прости, – вдруг выдала я и сама испугалась.

Быстро же сдала позиции, а собиралась ведь отстаивать свою правоту до последнего.

– Прости... – покачал головой отец, присаживаясь на высокий резной диванчик, весь усеянный маленькими и побольше, вытканными гобеленом подушками. – Ты хоть понимаешь, как важно, чтобы ты поехала со мной в Глиннхайн? Чтобы предстала перед королём Каллумом и его сыном. Как бы они оба ни были мне отвратительны. Как бы ни была отвратительна вся эта ситуация. Но поступить по-другому не получается.

– Я понимаю. Но мне хочется, чтобы ты понял меня тоже. – Я опустилась рядом с ним. – Я ведь не из-за прихоти сбежала. Если бы мне можно было видиться с матерью...

Я вздохнула, чувствуя особый запах отца – дорогого льна и шёлка и сандалового дерева, который всегда ощущался в такие жаркие дни чуть сильнее. Я помнила его с детства. А вот едва не всё связанное с матерью уже почти забыла.

Отец вновь повернулся ко мне, и на его лицо легла решётчатая тень от окна, делая чуть старше. Но и правда, за последний год он стал выглядеть более уставшим.

Даже молодой и теперь уже беременной – почти на сносях – жене не удавалось унять его вечные тревоги, облегчить его мысли. У королевского советника всегда много забот.

– Не думаю, что встречи с ней чем-то помогли бы тебе. Может, в храме ей лучше – там, где её понимают. А в остальном... Если бы всё зависело только от меня, – он нахмурился, глядя на одну из птиц, которыми была расписана противоположная стена, – многих решений мне хотелось бы избежать. Если бы только мы с королём могли говорить наедине... Но Совет – там не только я.

От его слов меня всё же разобрало лёгкое раздражение. Порой отец прикидывается менее влиятельным, чем есть на самом деле. И если решение выдать меня замуж по политическим соображениям и появилось, то лишь с его руки. Насколько я знала, самому королю Валерио сватать принцу Атайра, кроме самой младшей дочери, которой едва исполнилось одиннадцать, было некого. Даже все его сёстры были замужем. А я подходила по знатности для того, чтобы стать женой наследника престола, лучше всего.

– Но разве это не гиблое дело? Весь наш путь в Глиннхайн. Разве в разговорах с руэльцами вообще есть прок? – Я так и почувствовала, как плечи сами опускаются под невидимой тяжестью. – Война закончилась не так уж давно. Да и вряд ли это можно назвать “закончилась”. Они могут принять нас и в тот же день отравить.

– Да, ты права, моя умница, – усмехнулся Лисварх. – Скорее наш мир с Глиннхайном похож на временно утихшую лихорадку. Но такие слова тебе

лучше держать при себе. Женщина не должна показывать мужчинам, что понимает в их делах не так мало, как им кажется. Особенно красивая женщина.

– Хочешь сказать, я должна оставаться просто пустой статуэткой в руках мужчин, которые будут передвигать меня, куда им хочется? Когда нужно – выставлять на свет, когда нужно – убирать в тень?

Теперь отец, кажется, вновь разозлился.

– Тебе может это не нравится, Тави, но так оно и есть. Во всех королевствах Длинного моря я не могу припомнить ни одной женщины-правительницы за многие и многие десятилетия. И такая смышлёная, как ты, может только вызвать раздражение некоторых. Особенно у замшелых в самом наидревнейшем патриархате руэльцев. Но у тебя ещё много различных достоинств, которые могут их подкупить.

Я подскочила с места, словно меня иглой кольнули.

– Неужели, кроме меня, и правда некем было пожертвовать? Почему бы, например, королю Джинарии не отдать замуж за принца Атайра свою дочь? Он тоже заинтересован в прекращении нападений аранов.

Пока варвары-из-за-моря беспокоили их больше всего.

– Варайя ещё в детстве была сосватана за среднего сына короля Валерио. Изменить это никак не возможно.

– Мне повезло, – я коротко рассмеялась.

– Может быть, – оборвал моё показное веселье советник. – Принц Атайр в самой силе, он умелый воин и военачальник своего отца. К тому же женщины говорят – а в таких делах им, думаю, стоит верить, – он очень хорош собой.

– Если медведей можно назвать красивыми...

Лисварх смолк, покривив губами.

– Ты предвзята.

– Это неудивительно. – Я остановилась у окна и глянула в залитый тёплым светом двор, посреди которого мелкими брызгами переливался на солнце фонтан с круглой, заполненной зеленоватой водой чашей. – Тебя послушать, так он прямо мечта. Этот принц Ста Холмов Атайр. Смотри, не доплыву до Глиннхайна, так и помру от счастья осознания – по дороге...

Отец дёрнул желваками, когда я замолчала. Но стоило встретиться с ним взглядом, как он тут же спохватился и встал. В груди сделалось напряжённо и нехорошо от подозрения.

– С ним что-то не так, да? – надавила я. – Лучше сейчас скажи!

– Прекрати накручивать себя! – вновь повысил голос отец. – Всё решено. И больше объясняться с тобой я не намерен. – Он поправил рукава лёгкой рубашки и повернулся к двери. – Ещё одна подобная выходка, и я вынужден буду поступить гораздо жёстче. Не только с тобой, но и с Илари.

– Что будет с ним сейчас? – Я подбежала к нему и остановила, взяв за локоть. – Он ни в чём не виноват! Это я уговорила его... Прошу!

– Он виноват в том, что согласился. Для такого решения ему хватило и своего ума. А значит, и ответ нести ему, – не поворачивая головы ко мне, ответил отец и вышел, забрав с собой слуг.

Меня же попросту заперли вместе с Лелией, которая вернулась после его ухода. А ещё чуть позже, незадолго до того ужина, на который мне непременно надлежало явиться, пришёл лекарь в белой, подпоясанной красным поясом хламиде. Он осмотрел меня, удовлетворённо хмыкнул после, вытирая руки.

– Всё в порядке, – отчитался, будто я и сама этого не знала.

Из-за этой постыдной проверки злость на всех мужчин вокруг разобрала меня ещё больше. А особенно на того Шассера, который помог людям короля перехватить нас. Сейчас мы уже встретились бы с помощниками Илари, и нас уже вряд ли сумели бы поймать.

Мысли о молодом стражнике наполнили голову горячим свинцом. Какой ужин? Мне вообще ничего не хотелось, а особенно видеть отца и короля Кранмана. Но чтобы ещё раз попробовать отменить наказание Илари, придётся спуститься.

Услужливый молчаливый слуга проводил меня в столовую, как только начало смеркаться. Я поклонилась его величеству, который восседал во главе небольшого овального стола и с интересом наблюдал за мной. Тут же была и его дочь Варайя – с ней мы виделись, кажется, лишь в детстве. Сейчас она уже превратилась в чуть полноватую, но вполне себе фигуристую и привлекательную девушку. Как можно было бы сказать, “вся в отца” – жгучего, словно амранский перец, брюнета, сохранившего в свои годы стать, которая недоступна порой и некоторым гораздо более молодым мужчинам. Его роскошная грива, что вполне эффектно сочеталась с королевским венцом, была рассыпана по плечам и блестела, явно сдобренная какими-то особыми маслами. Одевание цвета дикой фиалки поражало сложностью отделки и слепило роскошью...

– Рад снова видеть вас здесь, – проговорил Кранман, когда я села рядом с отцом. – До побега я не успел насладиться вашим обществом.

Отец заметно скривился, поглядывая на его громогласное величество искоса. Но королю было всё равно. Он открыто разглядывал меня, при этом отрывая пальцами от утиной ножки масляные кусочки мяса. И от этого чудилось, что на месте этой несчастной дичи вполне могу оказаться я.

– Боюсь, нам недолго наслаждаться вашим гостеприимством, ваше величество, – ответила я, не скрывая колкости в голосе. – Отец так торопится в дорогу, что даже это промедление, что случилось, наверняка весьма его расстроило.

– Тавиана... – с укором протянул Лисварх. – Думаю, его величеству нет до того большого дела. Но я благодарен ему за помощь в поисках. Иначе задержка вышла бы гораздо более досадной.

– О, не стоит благодарностей, – улыбнулся Кранман, щуря бездонно-зелёные глаза. – Я сам отец чудесной, незамужней пока дочери и прекрасно понимаю ваши чувства, герцог. Было бы жаль, если бы милая донья пострадала на беспокойных сейчас дорогах Джинарии.

Честное слово, если бы я не знала, что его величество – вполне давний приятель отца и союзник короля Валерио, я посчитала бы его слова за угрозу.

– Это было очень опрометчиво, донья Тавиана, – вставила Варайя, морща вздёрнутый носик. – Из-за вас пострадает неповинный человек.

Она с опаской глянула на отца, но тот всё так же следил за мной, потому лёгкий румянец, что тронул щёки дочери, ускользнул от его внимания.

– Я уверена, отец может отложить наказание Илари, – предложила я как бы невзначай, разбирая мясо утки в своей тарелке на волокна. Есть совершенно не хотелось. – А то и вовсе взглянуть по-другому на это происшествие.

– Наказание имеет смысл только сейчас, – холодно процедил отец. – Или ты рассчитываешь, что за время отсрочки сумеешь меня переубедить? Что я забуду сам, что тот, кого я пригред в своем доме, так подвёл меня? Хватит.

Я уже открыла было рот, чтобы продолжить пререкания, но взгляд отца наполнял такой гнев, что разумнее было просто смолчать. Как бы встретиться с Илари? Или, может, лучше пока отстраниться, чтобы уберечь от новых бед... Хорошо уже то, что отец не отправляет его обратно. Не оставляет в замке Кранмана на растерзание принцессе, которая, похоже, уже пленилась его красотой.

Удовлетворившись моим покладистым молчанием, мужчины завели вполне себе спокойный разговор о том, как в этом году идёт торговля с севером из-за участвовавших на море и суше нападений аранов. Будто в этом не было ничего тревожного. Мне же долго не хотелось ничего говорить и ни на кого смотреть. Под то и дело обращающимся ко мне взглядом зелёных, словно патина, глаз короля было откровенно не по себе.

– Так отчего же на дорогах Джинарии вдруг стало так опасно? – всё же заговорила я, когда мужчины смолкли. – Не оттого ли, что аранам, что высадились на ваших землях на северной стороне мыса Лонгриф, дозволено беспрепятственно по ним передвигаться?

– Не дозволено. Но, к сожалению, не все их отряды нам удаётся перехватить сразу, – спокойно развёл руками Кранман. – Однако дозоры усилены – и варвары

так или иначе постепенно попадают нам в руки.

– Когда успевают разграбить пару деревень? А как же крепость Дойт? – Я проигнорировала напряжённое покашливание отца. – Я слышала, им удалось захватить её...

– Всего на неделю, – уточнил король со снисходительной улыбкой.

– На целую неделю! Мне кажется, они прощупывают ваши пограничные и прибрежные силы и...

– Лора, – прервал наш неудобный разговор отец. – Не суди о том, о чём имеешь мало представления.

Я сильнее сжала пальцами расстеленную на коленях салфетку. Поймала укоризненный взгляд Варайи, которая от моей смелости, кажется, пришла в священный ужас.

– Тогда прошу прощения. Пожалуй, я сыта. Ваше величество. – Я встала и почтительно поклонилась королю, кивнула его дочери. – Ваше высочество.

А затем повернулась и ушла.

– Никогда не прощу этого отцу! – Я буквально ворвалась в свои покои, изрядно напугав задремавшую в кресле Лелию. Да, день был трудный, особенно после дороги. Помощница растерянно всхлипнула, выпрямляя спину. – Не прощу, если он тронет Илари! Он пытается на меня давить! Пока Илари в его руках...

Лелия только поморгала, не решаясь, видно, спорить, потому что в такой момент можно было запросто попасть под разрушительный шквал моего гнева. Она, искоса наблюдая за тем, как я шагаю по комнате от окна к столу и обратно, молча и невозмутимо приготовила мне чай с мятой. Усадив меня пить его, вынула из сундука свежую сорочку и принялась готовить постель ко сну.

От её спокойствия и уверенности мне вдруг тоже стало чуть легче. Завтра я ещё раз поговорю с отцом. Наверняка он больше пугает меня и грозитя...

Но едва я собралась пройти в спальню, как створки арочной двери, украшенные изящной резьбой и позолотой, открылись, наполнив комнату пахнувшей из окна свежестью.

– Его величество король Кранман, – доложил упитанный, но вполне проворный слуга, остановившись в проходе.

Лелия даже вздрогнула от звука его голоса. И не успела я ничего толком понять, как высоченный и широкоплечий, словно древний исполин, король появился в комнате, мгновенно заслонив собой едва не половину её.

Кажется, перед встречей со мной он попытался придать себе более располагающий вид: его тёмные волнистые волосы были собраны от лица в аккуратный хвост, одежда и теперь не отличалась ни богатой вышивкой, ни особо вычурными тканями.

Я поклонилась, весьма озадаченная его неожиданным появлением, Лелия присела в глубоком реверансе. Король, смерив её взглядом, взмахом руки велел ей выйти.

– Не ожидала увидеть вас здесь, ваше величество, – проговорила я на чистейшем джинарийском. И добавила с лёгким укором: – В столь поздний час.

Быть дочерью советника и посла – та ещё забота. Я должна знать много языков и уметь вести себя с самыми высокими людьми любого из соседних королевств. Сейчас же передо мной стоял один из самых высоких – в прямом и переносном смысле.

– Я решил, что мне просто необходимо навестить вас, – с задумчивым видом обходя комнату, проговорил Кранман.

Совершенно незаметно он вдруг оказался рядом со мной, словно хищник из засады, и мне резко захотелось выпрыгнуть прямо в окно, у которого я и стояла всё это время.

– Хотите пожуричь меня за порывистый поступок? Или за то, что я вмешалась в ваш разговор с отцом?

– К счастью, я вам не родитель, чтобы журить. – Король растянул вполне себе чувственные губы в двусмысленной улыбке.

– Тогда позвольте спросить...

– Я хочу попросить вас кое-что обдумать, – прервал мои расшаркивания король. Терпеливость – явно не его сильная черта. – Я овдовел уже довольно давно и до сих пор не мог найти себе достойную жену. – Он подошёл ещё чуть ближе. – Но вот встретил вас снова – сколько же прошло лет? – и подумал, что, кажется, нашёл ту, кто могла бы ею стать.

Признаться, очень неожиданно. За всё то время, что мы в Джинарии, с его величеством рядом я находилась едва ли час.

– Простите, ваше величество, но я обещана другому. – Я развела руками, уже понемногу паникуя от того, как тесно ко мне придвинулся Кранман.

И сейчас я была даже благодарна принцу Атайру за то, что могу прибегнуть к его незримой помощи в такой непростой миг.

– Что политические обещания, Тавиана, – вздохнул король и, подняв руку, ухватил пальцами мой локон. – Они ненадёжны и часто меняются. Вы не знаете того сопляка, за которого Лисварх задумал отдать вас. Многие не знают о нём. Зато я знаю, что крепкий союз со мной вашему отцу и даже королю выгоден не меньше, чем с руэльцами.

Вот тут он хватил лишнего, конечно! Всем давно известно, что джинарийскому монарху всё сложнее удержать морские границы от вторжения аранов. Их прибрежные земли почти разорены. И многие поговаривают о том, что джинарийцы даже готовы заключить союз с наступающими на них варварами. Хоть перед отцом Кранман это яростно отрицал.

– Думаю, вряд ли мой отец согласится с вами. Он, кажется, уже давно всё решил.

– Я умею настаивать и уговаривать, моя дорогая.

Что ж, если он это и умеет, то работает это не со всеми. Мне вот захотелось сбежать подальше от этой скалы, которая так и норовила сейчас раздавить меня своей волей и даже своей тенью. Я только отвернулась, выискивая пути отступления, как огромной ручищей Кранман сгрёб меня за талию и прижал к себе.

– Ваше величество! – Я толкнула его в широченную грудь так яростно, как сумела.

Но он даже не покачнулся!

Я дёрнулась назад, буквально выворачиваясь из сомкнувшихся объятий короля – до ломоты в рёбрах. Огляделась в поисках помощи, но слуги, что стояли у двери, и так всё прекрасно видели. А в следующий миг они просто развернулись и вышли. Вот это уже совсем плохо!

– Лисварх не может не понимать, что король Глиннхайна прогонит его взащей, – склоняясь ко мне, ровно и быстро проговорил Кранман. Его дыхание коснулось кожи. Губы скользнули вверх чередой коротких поцелуев. – Слишком велики давние обиды. Возможно, вас даже попытаются убить. Всё ваше посольство. Потому я намереваюсь убедить Лисварха, что лучше строить крепкие союзы на большой земле. И не соваться на дикий остров. Хочу, чтобы вы знали и помогли мне. Тогда я помогу вам в поисках матери. И ваш отец избежит множества опасностей, что ждут его на пути в Глиннхайн и там тоже.

Его дыхание становилось чаще и жарче, руки блуждали по моей спине.

– Благодарю за заботу. Но всё это мне хотя бы нужно обдумать... – Я, в попытке остановить яростный напор короля, упёрлась ладонью ему в лицо.

Сейчас, простите, не до деликатности. Никто мне не поможет отбиться от него, никто не придёт на помощь: здесь все на стороне правителя. Даже стража у дверей – его. А отец далеко – в мужской части замка.

Король недовольно рыкнул, освобождаясь. Кажется, я его только раззадорила! И, осознав, что его напор сейчас станет ещё безудержнее, всё же закричала:

– Пустите! Остановитесь!

И в тот же миг король смял в кулаке мои обрезанные до лопаток волосы, потянул – и я задохнулась от неожиданности.

– Прекратите верещать! – прошипел он, буквально выдавливая из меня силы своей огромной ручищей.

– Вы слишком много на себя берёте, ваше величество! – выплонула я, выдирая свои волосы из его кулака.

– Больше я возьму на себя, когда останусь в вашей спальне на ночь. И тогда вы точно станете не нужны никому из высокородных женихов. А уж тем более принцу Атайру, этому заносчивому гадёнышу. Но я всё же хочу, чтобы всё было по доброй воле.

– В этом никогда не будет моей доброй воли! – Я, толкаясь, вцепилась ногтями в оголённую часть шеи короля, заставив его глухо взвыть и отшатнуться.

– Тогда с вашего ручного мальчишки – Илари, кажется? – Лисварх собственноручно спустит шкуру, когда узнает, что тот обесчестил вас, – зло прорычал его величество. – И сам Илари признает это – под пытками. И даже расскажет подробности.

– Это неправда! Меня уже осмотрел лекарь! – Я замотала головой.

Стыдно признать, но сейчас не до стыда.

– Это был мой лекарь, – хмыкнул Кранман. – И перед вашим отцом он не отчитывался. Лисварх слишком доверяет вам – порой зря. Вы уже предали его, когда сбежали.

Страшно запекло щёки. Будто Кранман осматривал меня лично. А может, ещё и от некоторой вины перед отцом.

– Вы с ума сошли!

– Знаете, вы правы, – не стал спорить король. – Я давно уже не сходил с ума так. Но я всё же предлагаю вам подумать. Либо вы соглашаетесь добром. Либо всё обернётся для вас и ваших самых близких людей очень скверными последствиями. Нужно только ваше согласие. А вашего отца, когда всё свершится, я возьму на себя. Вот увидите, на вашей репутации не останется и пятнышка. К тому же вы станете королевой.

Он примирительно вскинул ладони, словно бы ещё мгновение назад не лапал меня, не пытался завалить в постель, чтобы немедленно воплотить свой замысел. Насчёт меня... и союза с Вархассией, конечно.

– У меня нет времени...

– Решайте сейчас! Ночь длинная. Я готов подождать. – Его величество прошёл к небольшому диванчику, где мы ещё недавно сидели с отцом за разговором, и расположился на нём так, что никому больше не хватило бы места.

Я невольно отшатнулась, чувствуя, что тот поцелуй Шассера на постоялом дворе был такой мелочью по сравнению с тем, во что я влипла сейчас. И там... это было даже приятно. А от одной мысли о том, чтобы лечь в постель с Кранманом, меня ощутимо наизнанку выворачивало. Казалось бы, чем это хуже свадьбы и брачной ночи с принцем Атайром, которого я знать не знала? Я даже портрета его не видела!

Но Кранман...

В голове сделалось опасно легко и пусто. Я перестала слышать любые звуки вокруг, кроме грохота собственной крови – словно реки по перекатам. Но тут сквозь него пробился другой звук – возмущённых голосов за дверью. Король напрягся, вскинув голову, а я уже готова была расцеловать того, кто сейчас явился и так настойчиво пытался попасть внутрь.

Створка распахнулась – и в покои едва не ввалился отец. А из-за его плеча высунулась голова напуганной Лелии. Какое счастье, что она заподозрила неладное и пошла докладывать господину о визите ко мне Кранмана!

– Что тут происходит? – зло сощурился советник. – Ваше величество... Прошу вас объясниться! Чтобы избежать недоразумений.

Я коротко посмотрела на короля – и поняла в тот же миг, что, если расскажу всё, кто-то из важных мне людей точно пострадает. Может, даже Лелия – за то, что привела сюда отца.

– Мы просто разговаривали, ваша светлость, – беспечно улыбнулся Кранман, как бы невзначай поправляя ворот и скрывая под ним оставленные мной на его шее царапины. – Я просто поражаюсь, как выросла ваша дочь. Какой стала смышлёной и образованной. Наш короткий разговор за ужином был достоин того, чтобы его продолжить. Боюсь, принц Ста холмов не достоин такой жены. Вы отдаёте Глиннхайну слишком роскошный подарок.

Отец сжал быстро побелевшие губы. Но обращение с королём Джинарии всё же требовало от него определённой сдержанности, потому он только холодно улыбнулся.

– Достойны ли они такого подарка, я и хочу выяснить в ходе своего посольства. Ваше величество... А для разговоров любого рода сейчас всё же слишком поздний час. Не находите?

– Вы правы! – бодро согласился Кранман, вставая. – Я и правда позабыл о времени. Думаю, нам всем стоит отправиться отдыхать.

Он взмахом руки указал отцу на дверь – и тот, бросив на меня ещё один тяжёлый взгляд, вышел за ним следом.

– Доброй ночи, – всё же выдавила я.

Мы с Лелией переглянулись, когда мужчины и сопровождавшие их слуги покинули мои покои.

– Донья... – начала было помощница.

– Ничего не говори, – я остановила её взмахом руки, – мне нужно подумать.

Не знаю, о чём отец говорил с Кранманом накануне вечером, а некоторый разговор между ними точно состоялся. Но наутро нам с Лелией и всем, кто прибыл в Джинарию вместе с советником, было велено срочно собирать вещи и к полудню быть готовыми отплыть. Хоть, кажется, ещё вчера мы собирались погостить в королевском замке ещё день – как дань вежливости за помощь в поисках меня. Но, похоже, отец решил, что всякой вежливости наступает конец, когда стороны не сходятся во мнениях.

В каких именно – тут и гадать не приходилось. Надежды Кранмана на то, что советник вдруг согласится отдать единственную дочь, то есть меня, замуж за овдовевшего правителя и тем самым нарушить собственные планы, явно не оправдались. И хоть те настроения, в которых расстались отец и его давний добрый знакомый, мне не нравились, я всё же не могла удержаться от облегчения. Даже и сказать сложно, что хуже: стать женой полудикого принца или совсем уже зрелого – если не сказать больше – короля. Да ещё после всего того, что он мне вчера устроил.

Да с таким жить – проще повеситься.

Да, в замке шептались, что он ещё полон сил и – чего скрывать – имеет множество любовниц, среди которых даже жёны приближенных к нему аристократов. Но это служило бы для меня небольшим утешением, доведись попасться ему в руки.

Ожидаемо всё утро до отплытия из бухты Леверра отец пробыл в скверном расположении духа. И я хотела было вновь узнать, где и как Илари, а то и попросить увидеть его, но не решилась. Его ответ предугадать можно было и так.

Признаться, в какой-то миг я начала опасаться, что Илари просто избил до полусмерти ещё по дороге в Леверр, а его тело бросили в каком-нибудь лесу. Ведь мне отец об этом мог сказать всё что угодно – допытаться правды я всё равно не смогла бы. Но уже перед самым отплытием стало известно, какую такую участь подготовил отец для молодого стражника.

Когда все вещи были уложены на дно дромона, а гребцы сели на вёсла, я вышла из шатра, что был натянут у кормы корабля, чтобы напоследок глянуть на

зелёный берег Джинарии, прежде чем мы покинем его надолго.

Оказалось, его величество Кранман всё же прибыл нас проводить – с солидным сопровождением из замка. Была тут и Варайя, которая то и дело встревоженно вытягивала шею, словно кого-то высматривала. Были и скучающие придворные, которым, в общем-то, не было дела до того, кто прибывал в Леверр, а кто уезжал. Путь это даже сам советник правителя из соседнего королевства.

Прежде чем по сходам подняться на борт, отец всё же приостановился перед его величеством и кивнул, что-то коротко ему сказав. Лицо короля тут же помрачнело, но он всё же нашёл в себе силы улыбнуться.

– Зря, Лисварх, – донёс до слуха его слова ветер. – ...было бы лучше.

И Кранман поднял на меня многозначительный взгляд. Отец покачал головой, затем в сопровождении оруженосца и слуг всё же поднялся на корабль. Следом за ним носильщики притащили некоторые его личные вещи, и только тогда самым последним на борт взошёл Илари.

Я даже не сразу его узнала: в простой рубахе и штанах – без единого знака принадлежности к герцогскому дому де ла Исла. На лице несколько ссадин и хороший кровоподтёк у виска – уже густо посиневший, а значит, он получил его ещё по дороге в Леверр. Похоже, за сопротивление от посыльных короля ему хорошенько досталось.

Мне захотелось махнуть рукой, чтобы привлечь его внимание, но он даже не смотрел в мою сторону. Думается, стану настаивать – и будет совсем плохо.

– Ох, что же будет, – прошептала рядом незаметно подкрававшаяся Лелия. – Вы же посмотрите, как его разукрасили!

– Проклятый Шассер, – буркнула я в ответ. – Это из-за него мы вернулись.

«А из-за меня ввязались во всё это», – сама собой всплыла в голове подленькая мысль. Да, Охотник виноват в том, что не упустил случая проучить меня и доложил о нас королевским посланникам. Но началось-то всё из-за меня!

Илари прошёл мимо в стороне. Его подвели к мачте и, посадив на дно корабля, привязали к ней, заломив руки за спину. Другой верёвкой перехватили шею и чуть прижали к древку – чтобы не мог опустить голову.

Расслабится – и грубая пенька сразу начнёт натирать влажную от пота кожу. А за весь день – это просто страшное мучение. Ни поспать толком, ни дать отдыха напряжённым мышцам. Даже и не скажешь сразу, что хуже: получить пару десятков плетей или сидеть вот так, мучаясь, до самого заката, а может, даже до утра!

Я подобрала подол и кинулась к стоящему у носа корабля отцу.

Лелия попыталась меня удержать:

– Донья, не надо! – но едва успела прихватить пальцами локоть.

Но я вырвалась, а затем проскочила мимо охраняющей покой советника стражи. Те только озадаченно глазами хлопнули. Порой казалось, что после истории с Илари они и вовсе будут опасаться того, чтобы коснуться меня. Мало ли.

– Что ты задумал? – Я дёрнула отца за рукав.

– Ты вообще или о чём-то конкретно? – с нарочитым безразличием отозвался отец.

– Ты хочешь завялить Илари на солнце? – Я махнула рукой в сторону мачты. – Сегодня же ни облачка на небе! Он просто поджарится.

– Не поджарится, – беспечно ответил отец. – Но, может, солнце выжжет у него из головы все крамольные мысли приближаться к тебе, а уж тем более касаться тебя. Каково будет его отцу, уважаемому вархассцу, узнать, что его сын променял всю свою жизнь только на возможность залезть тебе под юбку? Или он думал, что я смирюсь с вашей связью и приму его в мужа для своей дочери, а то и возвышу? Это не поведение воина! Это поведение мальчишки, который вдруг осознал, что у него находится в штанах и для чего предназначено.

– Разве защищать девушку – это не по-воински? Ради её безопасности сопроводить в дороге. – Я остановилась рядом с отцом, и в лицо пахнуло разогретой морской солью.

Ударился в уши шум портовой набережной, где, кажется, даже ночью не стихала суета. Только после заката она, верно, приобретала другое настроение.

– Не нужно пытаться подменить понятия, Тави. Ломать жизнь и себе, и ей, пусть даже из желания угодить, – это далеко не защита!

Наши дромоны почти одновременно отошли от берега Леверра под отрывистый плеск вёсел. Через несколько дней плавания галечные берега Джинарии сменятся дикими скалами севера. И чем дальше, тем они будут становиться всё выше и мрачнее. Мне не хотелось отплывать, но хотелось оказаться от короля Кранмана как можно дальше. Однако все его слова, пусть и сказанные вчера в пылу, так и не давали покоя. Что, если и правда нас на землях Глиннхайна ждут только опасности?

И остановится ли сам джинарийский король? Или попытается дотянуться из-за моря?

Отец и правда не стал больше слушать ни слова моего возмущения тем, как он поступил с Илари. Я пыталась поймать его, но он постоянно находил какое-то невероятно важное дело, чтобы избежать нового разговора.

А Илари просидел на солнце – с короткими перерывами на то, чтобы справить нужду, – до самой ночи. Я лишь с наступлением темноты, договорившись с дозорными, смогла приблизиться к нему. А после того, как дала напиток из собственной фляги, обтёрла ему лицо и шею приготовленным Лелией по особому маринийскому рецепту отваром – от ожогов. Кожа Илари, даже закалённая загаром в Вархассии, страшно покраснела под солнцем, завтра начнёт покрываться мелкими волдырями. Его губы растрескались, волосы слиплись от пота. Но никакого распоряжения от отца, чтобы прекратить пытку, никто сегодня не слышал.

– Прости меня, – единственное, что я могла повторять Илари снова и снова, пока оттирала тёмные разводы с его щёк.

Потому что другие, более значительные слова на ум если и приходили, то всё равно казались вздорными и пустыми.

Я не должна была это допустить. Наверное, Илари тоже так думал, потому что молчал. Только смотрел пристально сквозь рыжеватый от мачтового огня сумрак в моё лицо. Кажется, он не винил меня ни в чём, но в его глазах я всё же видела упрёк. Или просто хотела увидеть.

Закончив с умыванием Илари, так и не дождавшись от него хоть слова в ответ, я уже собралась было уходить – уязвлённая и раздосадованная. Невольно я коснулась кончиками пальцев висящего на поясе ножа. Взять бы и просто разрезать верёвки, что пленяют Илари! Но вряд ли после этого отец не вернёт его на место. А то ещё и придумает, как ужесточить наказание. К тому же пострадают пропустившие меня к нему дозорные... Кажется, я могу всё! Ведь я дочь герцога. И в то же время я могу ничтожно мало.

– Поцелуй меня, Тави, – вдруг донеслось до слуха сквозь тихий плеск волн и поскрипывание мачты. – Тогда я хотя бы буду знать, что это всё не зря.

Я быстро зыркнула на стражей, что сидели неподалёку на скамьях, кажется не слишком усердно глядя в нашу сторону. Если отец узнает... Нет, всё же это слишком большая опасность вызвать ещё больший его гнев.

И пока я раздумывала, Илари смотрел на меня, хмурия тёмные брови и явно чувствуя мои сомнения.

Нельзя сказать, что ни разу я не задумывалась над тем, чтобы позволить ему поцеловать себя. И даже порой представляла, как это будет. Однако для такой просьбы Илари выбрал ну совсем неподходящее время.

Я вновь присела перед ним, осторожно провела ладонью вниз по скуле, по заросшей гораздо сильнее, чем обычно, щеке.

– Давай сейчас ты постарайся забыть, о чём попросил меня, – улыбнулась, стараясь смягчить его разочарование. – И вспомнишь, когда мы доберёмся до Глиннхайна.

– Боюсь, там ты станешь от меня ещё дальше, чем теперь. – Он покачал головой. – И это остров, Тави. Большой остров, с которого тебе некуда будет бежать. И я не смогу помочь.

– Ты не прав. – Я разобрала пальцами вьющиеся пряди у его виска. – Даже с острова всегда можно найти выход. Глиннхайн торгует со многими королевствами. А значит, там всегда можно встретить купцов. Сейчас подходит к концу высокий сезон, но Феамонское море открыто даже зимой, и там ходят корабли на большую землю. Редко, но ходят. А королевский двор – самое лучшее место для заведения полезных знакомств.

Ну вот, проговорила всё вслух – и самой как будто бы стало немного легче. Первые разумные мысли после того сумбура, что творился у меня в голове из-за неудачного побега.

Ещё посмотрим, ваше высочество, принц Атайр, стану ли я вашей женой. Даже при вашем на то согласии!

– Ты всегда представляешь всё это лучше меня, – усмехнулся Илари.

– Просто я думаю об этом постоянно. Сейчас я всё дальше от матери. Но мне нужно вернуться.

Я вздрогнула, когда на мачту, закрыв лицо Илари, напозла огромная тень неслышно подошедшего со спины дозорного. Он ничего мне не сказал, но и так стало понятно, что разговор пора заканчивать. Интересно, много ли он слышал и о многом ли доложит отцу?

Я поднялась на ноги, стараясь сохранить невозмутимое достоинство, и скоро скрылась в кормовом шатре, где меня поджидала Лелия.

К счастью, на другой день Илари отпустили по приказу отца. Но его сразу отправили на другой корабль – тот, что следовал за главным. Теперь до самого Глиннхайна нам вряд ли удастся обмолвиться хоть парой слов.

Через сутки после того, как мы отплыли от берегов Джинарии, корабли подхватило сильным, но прохладным в этой части Феамонского моря течением.

Гребцы подняли вёсла из воды, оставив управление дромонами самым опытным, наверное, во всей Вархассии кормчим. Мне нравилось присаживаться рядом с широкоплечим, лысым, как торчащий из земли валун, Эшту, чтобы понаблюдать за тем, как он управляет огромным деревянным чудовищем. Кормчий не прогонял меня, а отец не препятствовал моему интересу: наверное, такое моё занятие казалось ему наиболее безобидным. А что? Может, мне и умение управлять кораблём когда-то пригодится! Никогда не знаешь, каких знаний потребует жизнь.

Норовистые потоки течения порой стремились увести нас в сторону от самого короткого пути. Кормчий постоянно выправлял путь по солнцу, которое всё так же ясно сияло на густо-голубом небе. Его помощник и сменщик отдавал команды следящим за парусами матросам – и те поворачивали их наиболее удобно к ветру. Наблюдать за всем этим было и любопытно, и утомительно тоже. Непривычное безмолвие – не считая нестихающих разговоров мужчин – настораживало. Ни птиц, никакой другой живности вокруг – так казалось посреди бесконечного полотна буйного водного простора.

– Ох, донья, – вздыхала подозрительно зеленоватая Лелия, когда под ветром волны на море становились ещё выше, ощутимо раскачивая корабль. – Долго нам ещё до Глиннхайна? Что-то нехорошо мне.

Кажется, по пути из Вархассии в Джинарию она так не жаловалась. Но здесь море и правда было гораздо более беспокойным. Наверное, в Феамоне и шторма случаются чаще. Ветер уже долго не стихает, то чуть ослабевая, то усиливая напор. И дует почти всегда в одну сторону, только едва вихляя.

– Эшту сказал, ещё день, если ветер будет столь же благоприятным.

Помощница только кивнула и закатила глаза, когда ударившая в борт волна хорошенько качнула наш дромон. Так и промаялась она до самого вечера, и теперь уже нельзя было точно сказать, кто за кем ухаживает. Все наложницы, которых в подарок Глиннхайнскому королю вёз отец, были на другом корабле. А здесь мне приходилось справляться самой.

Потому вечером мы с Лелией обе уснули в своём шатре так крепко, словно в порту тюки разгружали. И где-то посреди сна я почувствовала вдруг, что всё изменилось. Изменилось море, дыхание течения и ветра. Стало почти совсем

спокойно, тихо, неподвижно. Слишком неподвижно.

Проснувшись, я даже и не сразу поняла, где нахожусь: дома или ещё не корабле? Нас почти не качало. Было тихо. Все беспробудно спали, кроме обычных дозорных: в беспокойные времена, когда в море вполне можно наткнуться на варваров-аранов, без хорошего дозора никак.

Заинтригованная таким странным безмолвием, я выбралась наружу. И сразу обомлела, потому что по сторонам от обоих бортов дромона над водой плыли яркие зеленоватые огоньки – и от них по глади скользили яркие блики. Откуда они здесь? Это что, какие-то морские светлячки? Я о таких никогда не слышала.

Я повернулась к кормчему: сейчас, после вечернего отдыха, снова настала смена Эшту, но в нём тоже что-то изменилось. Он сидел неподвижно, крепко держа поскрипывающее кормовое весло, и смотрел вдаль, куда плыли эти странные огоньки, словно бы уводя нас за собой. По тому, как качало сейчас корабль, я вдруг поняла, что течение ударяет нам в борт, а не тащит своим потоком. Мы что же, сменили направление? Может, так нужно?

– Эшту! – окликнула я кормчего, но тот и не шевельнулся даже.

И тут у меня похолодело в затылке. Промозглость эта вместе с шевелящим волосами ветром стекла по шее и дальше – по спине. Натянув плащ на плечи сильнее, я поехала, медленно подходя к Эшту. Но его взгляд остался неподвижным, почти мёртвым. Я даже потрясла его за плечо – мужчина только покачнулся под моим напором, однако даже не посмотрел на меня.

Похоже, пора звать отца. Да хоть кого-то, кто сможет откликнуться! Потому что и дозорные у дальней мачты дромона тоже выглядели подозрительно безучастными. И едва я добралась по настилу до них, как услышала короткий всплеск справа, словно рыба выиграла. Большая такая рыбина! Огоньки над водой качнулись, испустив – можно было поклясться! – тихий свист. Их незнакомая, дурманная сила коснулась меня изнутри. Обожгла, но не огнём, а ядовитым жгучим зельем.

– Блуждающие огни! – выдохнула я сама себе. – Они уведут нас не туда!

А там, приходилось слышать, вполне легко и непринуждённо могут разбить наши корабли о какие-нибудь дикие скалы в щепки. Подобных огоньков уже не водилось в Вархасских водах. Но во времена Первых племён они были очень опасны для любых кораблей, что подходили к берегам королевства. Теперь о них можно было узнать разве что из старых легенд.

Я содрогнулась от пробежавшего по спине озноба и, подобрав подол длинной сорочки, с удвоенной прытью кинулась к шатру отца – над головами крепко спящих на нижнем ярусе корабля гребцов. Но, не добежав, замерла, когда увидела, как впереди, совсем рядом с ним, на борт забирается совершенно потрясающее, страшное и в то же время изумительно красивое существо. Стройный сильный мужчина, весь блестящий от воды и совершенно, просто возмутительно обнажённый.

Я, ещё прячась в тени мачты, осторожно наклонилась и сняла с пояса безучастного дозорного топорик на короткой рукояти – такими, как рассказывал однажды Илари, удобно сражаться на корабле. Я, конечно, никогда не сражалась. Тем кинжалом, что мне подарил отец, владела сносно, однако с надеждой, что он мне всё же никогда не пригодится. Но этот мокрый с ног до головы незнакомец казался таким огромным, таким мощным, что моё оружие да при моих умениях вряд ли причинит ему хоть какой-то вред. А топор хотя бы выглядит страшнее. Главное – уверенно держать.

– Подходи, не бойся, – вдруг заговорил мужчина и повернулся ко мне.

Я зажмурилась на миг, потому что только так можно было удержаться от того, чтобы не скользнуть взглядом вдоль его тела вниз. И вряд ли моё внимание привлекли бы его колени.

– Кто ты такой? – попыталась я спросить как можно более грозно.

Но насколько грозно вообще можно разговаривать с голым мужчиной? Его длинные, до пояса, волосы, мокрыми прядями прилипшие к телу, надо сказать, совсем ничего не прикрывали. Потому я, стрельнув взглядом по сторонам, на ходу захватила чьи-то развешенные у борта на просушку портки. Пригодятся.

– Видно, ты нечасто бывала в этих краях, раз не знаешь, кто я такой, – усмехнулся незнакомец. – А ещё носишь в себе кровь сидхе. Позо-ор!

Издевается ещё... Вот же рыбина двуногая!

– Пока ты напоминаешь потерпевшего кораблекрушение, – огрызнулась я. А мужчина вдруг двинулся мне навстречу. Честное слово, так спокойно и величаво, словно одетый в шелка король. – Стой, где стоишь!

Я слишком поздно поймала себя на том, что уже разглядываю его, приближаясь к опасным границам. А осознав это, подняла топор повыше и угрожающе им качнула.

– Осторожнее с мужскими игрушками, девочка, – снисходительно усмехнулся мужчина. – Поранишься. Я просто хочу взглянуть на тебя поближе.

– Сначала скажи, кто ты такой! – Я швырнула в него сухие штаны. – И прикройся.

Мужчина взглянул на упавшую к его ногам ткань, как на какое-то недоразумение, которому он даже название приличное подобрать не мог. Конечно! Зачем ему в воде штаны? Мешают, наверное, только. Он снова посмотрел на меня и просто перешагнул через почти любезно предоставленную ему одежду.

– Я Эх-ушге, – гортанно и как-то по-особенному мягко проговорил мужчина. Тогда только меня догнала мысль, что мы с ним разговариваем на руэльском. – Вернее, сын правящего рода Эх-ушге. И я пришёл сюда, чтобы остановить вас.

Хороши новости. Впрочем, об этом я уже и сама догадалась.

– Зачем?

– Потому что на Руэльских островах вам не будут рады. Вы принесёте только беды туда, где ещё сильна вера в Старых богов. Где за гранью ещё спят дети Дану. Вы не нужны там. Вы всегда несли на эти земли только смерть.

Его голос с каждым словом становился всё более гулким и даже гневным. Как будто вархассцы чем-то задели лично его.

– А ты, значит, защитник? – Я приподняла брови, даже позабыв на миг об оружии в своей руке и о наготе этого странного Эх-ушге. – Хранитель?

– Можно и так сказать, – уклончиво качнул головой тот. – И в моей силе разбить ваши корабли так, что их обломки только через несколько недель доплывут до диких берегов Глиннхайна.

Он остановился близко от меня, но ровно так, чтобы я не могла дотянуться до него одним ударом топора. Его кожа блестела, по ней то и дело пробегали мокрые дорожки, волосы казались чуть зеленоватыми, а глаза были наполнены необыкновенным свечением, словно морская вода – солнцем. Он был красив и уже не юн: все те сотни лет, что он наверняка прожил, явственно читались в его взгляде, которым он неспешно мерил меня раз за разом.

– Так зачем ты пришёл? – Я остановилась тоже, покосившись на шатёр, где сейчас спал отец. Если я крикну, он проснётся? Вряд ли. – Ведь эти Блуждающие огоньки подчиняются тебе, верно? И уведут корабли прямо на скалы. Но ты забрался на борт. И говоришь со мной. Значит...

– Я почувствовал текущую в тебе силу за много миль отсюда. И долго преследовал вас. Подумал, что мне могло показаться, но нет. – Он протянул руку к моей груди, но не коснулся её. А вокруг его ладони вдруг разрослось бледное холодное свечение, которое пронзалось короткими алыми всполохами. – Как ты, дитя туатов, оказалась так далеко от породившей твой род колыбели?

Он слегка наклонился ко мне – и от его тела разлилась волна сырой прохлады. А на вид он вполне себе тёплый, как и любой другой мужчина. Если бы все мужчины выглядели как он, конечно. Но, наверное, так выглядят только боги.

– Вряд ли я смогу дать тебе подробный ответ. – Я невольно качнулась назад. Интересно, это его свечение или моё? – Наверное, я оторвалась от колыбели ещё задолго до своего рождения. Первые племена расселились на большой земле многие сотни лет назад.

– И потеряли свою силу. Но ты сохранила, – озадаченно нахмурился Эх-ушге. – Потому я не могу не пропустить тебя. Ты должна быть там.

Где-то я уже это слышала... Должна быть там – среди зелёных, как тина, холмов. На диких тропах, под дождём и на ветру. Та девочка в бирюзовом платье, моё видение – она говорила мне то же.

– Так отзови свои огоньки! – на правах потомка Первых племён потребовала я. В конце концов, он относится ко мне даже с некоторым почтением. Не нахальничает, не лапает...

– Я не могу. Ты должна пойти со мной. А они, – Эх-ушге обвёл взглядом корабль, – будут убиты.

Я даже рот открыла от потрясения: с таким праведным спокойствием он это сказал. Как будто может быть только так и никак по-другому. Как будто в таком вот исходе нет совершенно ничего необычного и жестокого. Даже в голове не укладывается! Да, похоже, у этого Эх-ушге безнадёжно просолились мозги!

– Ты и правда считаешь, что я на это соглашусь?! – мне едва удалось унять так и проступающую в тоне визгливость. Мне и правда хотелось визжать, а ещё хвататься за голову.

– Если не согласишься добровольно, есть два исхода. – Мужчина сложил руки на мощной груди. – Я забираю тебя с собой силой, выбрасываю на берегу, а дальше ты продолжишь путь сама. Второй – ты отправляешься в небытие вместе с остальными. Потому что дальше я ваши корабли не пропущу.

У меня, признаться, в какой-то миг руки опустились. Думала, вариантов будет гораздо больше.

– Но мой отец не желает зла ни королю, ни кому бы то ни было в Глиннхайне! Он плывёт с мирным посольством. Поговорить и попытаться договориться. Разве только за то, что вархассцы когда-то воевали с руэльцами, мой отец и все эти люди заслуживают смерти?

Эх-ушге покачал головой.

– Ты маленькая глупая девчонка. И ты не видишь в людях и половины того, что они таят в себе на самом деле. – Он, кажется, начал злиться. – Я вижу ненависть

в сердце советника. Я вижу ненависть в сердцах многих из тех, кто плывёт на острова с ним.

– Возможно, им удастся избавиться от неё именно теперь!

– Эти обиды слишком старые для того, чтобы от них можно было избавиться так резко, – возразил Эх-ушге. – Так что ты скажешь?

Я огляделась, крепко сжимая в руке топорик. Безразличные, послушные воле этого мужчины огоньки всё сияли над водой и манили за собой оба корабля. Кажется, вдалеке уже проступили очертания тёмных каменистых круч – огромного острова, почти голого, без лесов. Одни булыжники да чёрный вулканический песок.

– Просто отпусти нас, – всё же попросила я. – Я смогу уговорить отца вернуться. Потому что здесь слишком опасно.

– Я не могу. Вы вернётесь.

И тут Эх-ушгу просто повернулся и пошёл прочь. Похоже, разговаривать со мной он больше не собирался. А может, пытался проверить, что же я стану делать теперь, перед лицом неминуемой смерти. И отчего-то казалось, что есть способ самой отозвать Блуждающие огоньки. Или хотя бы попытаться. Я ясно чувствовала их мерцающую силу и слышала тихое, завлекающее пение, которое лишало воли бодрствующих и погружало в беспробудный сон спящих.

Но огоньков так много и повелевать ими всеми может только Эх-ушге. Уж он-то умеет!

Что, если попытаться дотронуться до его внутренних сил? До его потоков, ведь он явно порождение этой стихии, сын моря и связан с ним так прочно, что трудно отделить одно от другого. А стихийные силы – это то, что как раз подвластно мне. Конечно, если забыть о том, что я плохо справляюсь со своими умениями.

– Постой! – всё же окликнула я мужчину. – Постой.

Он обернулся с таким уверенным выражением на почти неподвижном лице, как будто и не сомневался, что я именно так и поступлю. Вполне себе обычная человеческая уловка. Нечем гордиться!

- Ты передумала? - его голос снова стал мягче, а в глазах вспыхнул интерес.

- Да... - пролепетала я, стараясь изобразить благоговейный страх. - К тому же ты сказал, что я должна быть там. Я чувствую это с каждым днём сильнее. Но позволь им выжить! Напугай, заставь задуматься над тем, что они должны вернуться и больше не появляться здесь. Что они должны забыть о злобе в своём сердце. Забыть обо мне. Разве на это ты, сын правящего рода, не способен?

Эх-ушге внимательно выслушал меня, и по его лицу я не могла прочесть ни единой мысли, что сейчас царствовали в этой древней голове. А затем мужчина подошёл и просто подхватил меня на руки. Совершенно легко, будто плеснул и объял меня волной. Я даже выронила из руки топор - и тот с громким стуком ударился о доски настила.

Ещё миг - и мы оказались у края борта. Мужчина упруго оттолкнулся ногами и прямо вместе со мной полетел вниз. Я закричала, цепляясь за его широкую шею обеими руками. И тут же захлебнулась, когда Эх-ушге потащил меня дальше, в тёмно-синюю глубину.

Но тут он пропал. Я, совершенно ослепнув от горькой соли моря и страха, пошарила вокруг себя руками - никого, только плотные нити воды проскальзывали между пальцами. Похоже, настало время паниковать. Да, Эх-ушге не даст мне разбиться в лепёшку о скалы, но утопит вполне себе непринуждённо!

Но моё замешательство длилось недолго.

Вскоре подо мной выросла вдруг некая податливая опора. Стремительно меня повлекло вверх, выше и выше, пока я не вынырнула на поверхность. Взлетела, словно меня подбросили в воздух, и тут же как будто шлёпнулась в лужу, но оказалось, что лежу на спине огромного, сотканного из упругих водных потоков коня. Он встряхнул гривой, рассыпая в стороны тучу брызг, а меня буквально переполнило его силой. Тонкий привкус тины и водорослей растёкся по нёбу, я собрала эти прозрачные потоки воедино, незримо сжала в ладонях, ощущая

среди них тончайшие связи с каждым из Блуждающих огоньков.

– Я не пойду с тобой, – крикнула я. – И если ты говоришь, что я ношу в себе сильную кровь сидхе, то ты не можешь приказывать мне.

Одну за другой я обрывала связи с сонмами колдовских светлячков. До острова, который уничтожит корабли моего отца, оставалось совсем немного. Громада скал всё росла, росла – она и правда, словно чудовище, поглотит столько жизней и не заметит.

– Ты и правда сильна, девочка, – усмехнулся конь голосом Эх-ушге. – Но тебе не совладать со мной. Тебе не хватает умений, зато не занимать отваги и упрямства. В Глиннхайне ты найдёшь себе учителя. Но вот кто им будет, придётся решить тебе самой. Придётся сделать выбор – непростой выбор. – Он, кажется, вздохнул. – Боги сегодня обойдутся без жертвы.

И вдруг невероятный конь стал растворяться, обращаясь растущим смерчем. Меня закрутило в нём, я совсем перестала понимать, где небо, а где вода. Всё менялось местами перед взором так быстро, что ничего нельзя было разобрать.

Затем меня подбросило, толкнуло – и я совсем неласково приложилась плечом о настил отцовского дромона, распласталась ничком и замерла, ещё не веря, что Эх-ушге всё же решил пойти мне навстречу. Мокрая сорочка облепила тело, меня заколотило от холода, но я лежала, не шевелясь, ещё некоторое время, прежде чем нашла в себе силы просто сесть.

Эх-ушге пропал, оставив меня размышлять над странным пророчеством. Но пусть так, лишь бы все были живы. И только в следующий миг я поняла, что корабли всё ещё продолжают плыть на скалы, хоть Блуждающие огоньки растворились и уже не вели их за собой.

Как такое может быть? Вот же конь морской, будь он неладен! Он отпустил нас, кажется, слишком поздно.

– Эшту! – крикнула я, пытаюсь скорее встать на ноги.

Мой крик разбудил всех на корабле. Заворочались, забормотали внизу проснувшиеся гребцы. В шатре отца что-то грохнуло – и следом раздалось короткое бранное слово. В целом я была с ним согласна. Кормчий наконец шевельнулся, заморгал недоуменно, кажется ещё не понимая, что происходит.

– Эшту! – Я всё же добежала до него. – Нужно разворачивать корабль.

Но больше ничего не пришлось объяснять: опытный моряк уже и сам заметил нарастающую опасность. Спихватились и на втором корабле, заорали, затопотали по настилам.

Из шатра вышел отец, хмурясь и озираясь, не понимая верно, отчего посреди ночи вдруг случилась такая суматоха. Но Эшту и упавшие на вёсла гребцы уже начали уводить дромон в сторону. Огромная сила моря ещё тащила нас вперёд. Пенные валы разбивались о колени чёрных скал, и стоило только представить, что и наши корабли могут разлететься в щепки, как в спине что-то каменело.

– Что происходит, Тави? – грозно окликнул меня отец, будто я всё это устроила.

Он всегда относился к моей силе с большой подозрительностью, зная, что её можно повернуть разными сторонами. Наверное, я и могла бы навредить, если бы вообще знала, как это делается. Но сейчас мне стало даже обидно: а он-то и не знает, что тут случилось на самом деле.

– Мы заблудились, – проговорила я ровно, когда отец остановился рядом со мной у носа дромона. – И Хранитель здешних вод хотел нас убить.

Проснувшаяся Лелия подоспела ко мне тоже и накинула на плечи сухой плащ вместо безнадёжно промокшего. Не помешало бы сменить и сорочку, но я не могла сдвинуть себя с места: нужно убедиться, что всё закончится для нас хорошо.

– Хранитель вод? – недоверчиво переспросил отец, окидывая меня долгим взглядом. Он придвинулся ближе и вдруг обнял меня за плечо. – Тави... Если это опять твои видения... Ты выпала за борт? Кто тебя спас?

– Ты слышишь меня?! – Слишком сильное раздражение неверием отца буквально отшвырнуло меня от него. – Нас едва не убили Блуждающие огни. Они зачаровали всех на корабле. Я видела Хранителя вод Эх-ушге. Он хотел нашей смерти. За то, что мы несём беду в Глиннхайн.

– О чём ты? – гневно рыкнул отец. Его губы побелели, а взгляд закаменел. – Никаких бед...

– Нас точно заколдовали, ваша светлость, – внезапно вступился за меня Эшту. – Я совершенно не помню, как случилось так, что мы свернули в сторону от течения. Здесь много островов. Много опасностей. Только благодаря донье Тавиане...

– Хорошо, – отрезал отец. – Возвращайся на свой пост, Эшту.

Кормчий поклонился и пошёл обратно, сочувственно на меня поглядывая.

– Они не хотят, чтобы мы приходили, – проговорила я, кутаясь в плащ, пряча под ним озябшие руки. – Может, нам всё же не стоит? Не стоит соваться туда, где нас не смогут понять. Даже здешние духи против.

Отец чуть опустил плечи, глядя далеко перед собой. Каменный остров уже остался в стороне. По широкой дуге корабли разворачивались, чтобы снова вернуться в течение, что вынесет нас к Руэльским островам.

– Значит, нам придётся переубедить их.

Но его слова вовсе меня не успокоили. До самого утра я больше не смогла сомкнуть глаз, как ни уговаривала меня Лелия прилечь и отдохнуть.

На рассвете море стало ещё беспокойнее. Небо и вовсе заволкло тяжёлыми тучами, с которых свисали длинные бороды льющих где-то вдалеке дождей. А к полудню показались в туманной дымке высокие рубленые берега Глиннхайна. Кажется, весь этот огромный остров был крепостью. Бесконечный ряд ровных скал, к которым никто не смог бы подступиться, не размозжив днища кораблей. Неприветливые бухты, и редко где можно было смутно разглядеть поселения вдоль берегов.

А после полудня мы вошли наконец в залив Фанг Фада, на западном его берегу и раскинулась столица Глиннхайна, колыбель королевского рода Хозяев холмов – Гианмор.

Я ожидала чего угодно от Руэльских островов. Я помнила своё видение, наполненное промозглой сыростью. Но суровые виды горбатых долин, покрытых густой зеленью лугов и лесов, вызывали в душе лишь восхищение и странную робость. А ещё предвкушение: соприкоснуться бы с мощной силой этих мест и руэльцев, что ещё чтят Старых богов. Они ведь совсем другие – люди, что здесь живут. Они не могут быть похожи на нас. Потому что земля возвращает своих детей похожими на себя.

А значит, нам придётся трудно.

В самый разгар дня впереди развернулся освободившийся из тисков скал и низин холмистый простор с уложенным в нём, словно горсть камней в ладони, городом. Точно спинка трона, позади него высилась далёкая горная гряда.

Дромоны причалили к высокому, опутанному сетью мостков и причалов берегу. Я сошла на него, озираясь, отчего-то не чувствуя ни страха, ни промозглого ветра, что трепал полы плаща. Пристань шумела, заполненная людьми – прибывшими из далёких королевств, разгружающими разномастные корабли с пёстрыми парусами и мачтами, что частоколом торчали вокруг. Здесь торговали, слонялись без дела, встречали, провожали. Цепкие взгляды носильщиков и местных шлюх одинаково жгуче ощупывали все подряд лица.

– Ты так себе представляла Гианмор? – Отец легонько подтолкнул меня в спину. – Самый великий город Глиннхайна из тех, что построены до войны. И который нам так и не удалось взять.

– Я вообще никак его себе не представляла. – Его прикосновение показалось вдруг очень неприятным. Словно в душе после разговора с Эх-ушге зародилось недоверие и подозрительность к отцу. – А ещё я предпочла бы его никогда не видеть.

– Глупо было бы ожидать от тебя другого ответа, – хмыкнул Лисварх.

Он оставил меня, и скоро по его приказу к королевскому замку, очертания которого можно было разглядеть даже отсюда, с вершины закутанного в туман холма, отправили небольшой отряд воинов – доложить о нашем прибытии. И пока за нами не прислали сопровождение, носильщики принялись выгружать с дромонов дары для короля и его отпрысков, оставшуюся провизию и пожитки.

Лелия вздыхала, стоя рядом со мной в стороне, под навесом, который наскоро устроили для нас, чтобы не мочила одежду стылая морось. А вот я довольно легко привыкла к ощутимому холоду здешних мест. И старалась ни о чем не волноваться раньше времени, только наблюдала издали за Илари, который, словно ничего не случилось ещё недавно, присоединился к охраняющей советника страже.

– Подумать только, что придётся тут задержаться, – проворчала Лелия.

А ведь сама недавно меня уговаривала, что ничего страшного в том нет.

Но скоро всё же король Каллум прислал за нами крытые повозки и достойное сопровождение – целый отряд всадников, закованных в чёрные латы. Они появились на пристани, заставив всех, кто не желал встречи со стражей короля, мгновенно исчезнуть из вида.

Вперёд выехал высокий мужчина в чёрном, с гербовыми знаками королевского дома на груди.

– Наследник Древних богов и король Холмов Каллум приглашает вас, посланники Вархассии, к своему очагу, в свой дом, чтобы выслушать и дать кров после долгого пути.

Отец величаво кивнул в ответ, а я подумала, что теперь впереди у меня много неприятных встреч. А первая из них – с принцем Атайром.

Путь до королевского замка оказался не таким коротким, как виделось издалека. Нам пришлось взбираться на холмы и спускаться с них несколько раз. Весь Гианмор лежал словно бы на огромных болотных кочках. Здесь было так же сыро, как в болоте, но пахло мокрой мостовой и влажным мхом, что изобильно рос во всех тенистых уголках между домами и на крышах. Но, кажется, ни слякоть, ни необходимость постоянно подниматься и спускаться, куда бы они ни шли, совершенно не мешала жителям столицы.

Я, наверное, больше из упрямства старалась не особо осматриваться в городе. А вот ехавшая со мной в отдельной крытой и упоительно сухой повозке Лелия с любопытством уставилась в оконце и вертела головой по сторонам.

– Когда на голову не сыплет дождь, Гианмор выглядит гораздо привлекательнее, – заметила она, когда мы в очередной раз взобрались на какой-то пригорок. – А резиденция короля! Вы только посмотрите, донья! Поразительно!

Но я только дёрнула плечом и отвернулась. Что, замков не видела, что ли! Здесь они были, думается, такими же мрачными, как и всё вокруг. Не то что в Вархассии. На моей родной земле даже крепости казались светлыми и лёгкими. Почти белыми в щедрых лучах солнца. А тут всё как будто должно непременно сочетаться с серым небом.

Но вот мы заехали на мост, перекинутый через окружавший королевскую резиденцию Сеох, а затем во двор, и даже я, как ни старалась отрешиться от всего, почувствовала удивительно свежий запах каких-то поздних цветов. Странно, а казалось, что здесь уже почти осень и всё увядает.

Мы проехали по витиеватой дорожке, и вся наша процессия остановилась у парадных ворот. Нас окружили слуги и какие-то приближенные короля, достаточно высокого происхождения, чтобы встречать столь важных гостей.

Нас с Лелией буквально окружили служанки, молодые и довольно шумные. Отца я потеряла из вида почти сразу после того, как мы вышли из экипажей. Он в сопровождении очень солидных, дорого разодетых мужчин и своей стражи отправился в западную часть замка, а мы – в восточную, предназначенную для женщин. Хлопоты во дворе продолжились, но шум их сразу стих за плотными дверями, что захлопнулись за моей спиной, словно пасть какого-то чудища.

Но удивительно, в женской части Сеоха оказалось невероятно красиво и уютно: похоже, здесь любили всевозможные цветочные и травяные орнаменты, они украшали всё вокруг. Замысловатые переплетения стеблей и листьев угадывались в резьбе деревянных панелей, которыми были отделаны стены, и в росписи сводов. Даже витражи в окнах изображали какие-то совершенно неведомые мне растения.

Я и сама не заметила, как начала с любопытством озираться по сторонам, пока шла по длинным переходам замка вслед за служанкой в песочно-зелёном платье. Лелия, как и всегда, что-то говорила мне, но я почти не вникала. Словно оказалась вдруг в каком-то зачарованном королевстве самих туалетов. Незаметном обычным людям и открывающемся во всей красе тем, кто был способен видеть скрытое.

- Ваше высочество, - вдруг отозвалась идущая впереди девушка.

Она плавно остановилась и почтительно присела в реверансе.

Признаться, у меня даже сердце подпрыгнуло. Что, вот так? Я прямо сейчас, едва переведя дух с дороги, натолкнусь на принца Атайра? Что бы ему делать в женской половине замка? Неужели поджидал?

Но все эти путаные, рваные мысли тут же стихли в голове, как только я перевела взгляд на небольшую, но весьма важную процессию, что приближалась навстречу. Несколько строгих матрон в серо-голубых платьях и замысловато повязанных платках, одна девица помоложе, чуть испуганная и любопытно вперившая в меня взгляд, а между ними - светловолосая девочка, которую они все, видно, и сопровождали. Она посмотрела на меня тоже - и я даже отшатнулась, хорошенько наступив на ногу примостившейся за мной Лелии. Та сдавленно простонала, едва удержав вскрик.

И я не сразу убрала каблук с её ступни, потому что этим маленьким, в кудряшках, высочеством оказалась та самая девочка из моего видения. Совершенно точно! Её я даже через полсотни лет, в старческом беспамятстве не забыла бы.

В лицо мне вновь пахнуло пронизанной запахом влажной листвы свежестью. И по спине пробежала зябь, потому что в глазах принцессы я словно бы увидела

отражение той клубящейся темноты, что скрывала лицо всадника из моего видения. Кто она такая? Надо бы расспросить слуг. Здесь, в Глиинхайне, обиталище Старых богов, любой может скрывать в себе позабытую в других королевствах магию.

– Ваше высочество. – Я кивнула, провожая девочку взглядом.

А надменная малявка одарила меня лишь коротким проблеском внимания – искоса. Однако она всё же наклонила голову в приветствии и прошествовала дальше как ни в чём не бывало.

И только через несколько мгновений я пришла в себя. Конечно, а чего ждала? Ведь эта девочка меня не знает. Но это поразительное открытие – о том, что именно младшая дочь короля Каллума тогда явилась мне, – всё же надолго выбило меня из колеи.

Я всё размышляла и размышляла над этой встречей, над ощущениями, что коснулись меня изнутри: что бы это всё могло значить? Бездумно, с немалой помощью Лелии, я подготовилась к встрече с его величеством королём Глиннхайна: о том, что она совсем скоро состоится, меня уже предупредили.

– Вы какая-то рассеянная сегодня, – ворчала на меня помощница, нещадно дёргая гребнем мои чуть спутавшиеся после мытья волосы.

– Устала просто, – бросила я ровно.

Хороший ответ, подходящий на все случаи жизни.

– И вы ничуть не волнуетесь? – поинтересовалась Лелия с лёгким придыханием в голосе. – Ведь сегодня встретитесь с принцем Атайром. Знаете, я уже наслушалась, пока бегала туда-сюда. Служанки подтверждают, что он просто...

– Хватит, – оборвала я пустую болтовню помощницы.

И Лелия обиженно засопела. Ещё не хватало, чтобы она расхваливала его передо мной. Ещё неизвестно, что он из себя представляет!

Но её старания не прошли даром, как ни мало я обращала внимание на то, что она со мной творит. Ей блестяще удалось соорудить из меня нечто приличествующее появлению перед взором монарших особ. Не помню, чтобы я брала с собой это насыщенно-жёлтое платье. Тогда, во время сборов в дорогу, подумала, что оно окажется не слишком уместным при дворе Каллума, посреди этой суровой мрачности. Но вот посмотрела на себя в зеркало и поняла, что кое в чём Лелия всё же смыслила лучше меня. Платье словно было создано для этого момента. Я уже и забыла, как замечательно оно облегает фигуру, как волнами струится вокруг бёдер тяжёлый шёлк, отделанный по лифу редким маринийским кружевом. Искусное плетение его – это ещё одно из бесценнейших умений моей помощницы. Неведомо сколько дней она потратила, чтобы создать украшение для этого наряда. Пожалуй, оно даже слишком хорошо для появления перед руэльцами, наверняка не способными оценить такую тонкую работу.

– Ты нарочно, – с укором я покосилась на Лелию.

Но та состроила загадочный вид, словно и сама не знала, как это платье попало в мой сундук.

– Как бы то ни было, вас запомнят... – Она возвела взгляд к потоку, явно намекая на одного ещё пока незнакомого мне принца.

И я, раздражённая её явным сводничеством, хотела уже было затеять переодевание во что-то более сдержанное, но стук в дверь – и в покои вошла служанка гораздо старше тех, что провожали нас сюда чуть раньше. Она почтительно поклонилась.

– Ниннах де ла Исла, – её голос оказался чуть простуженным. Это и неудивительно в такую-то скверную погоду. – Прошу вас пройти со мной. Его величество желает с вами познакомиться.

(ниннах – обращение к незамужней девушке)

Я переглянулась с Лелией напоследок, жалея, что она не может пойти со мной, и отправилась за терпеливо ожидающей меня женщиной. Как бы ни мало мне хотелось встречаться с монаршим семейством, а непочтение в первую очередь скверно скажется на отце.

Я успела только краем глаза заметить, как помощница за спиной осенила меня знаком покровительницы всех женщин – Мелиасы. Как на сражение меня отправляет, честное слово!

Служанка проводила меня в малую приёмную короля Каллума, предназначенную для встречи с самыми важными гостями. Это, наверное, должно было польстить, но я слишком хорошо знала нравы наделённых властью людей, чтобы верить такому открытому жесту расположения. Обычная дань вежливости. Может быть, даже пыль в глаза.

Отец дожидался меня снаружи. Внутри же, за высокими резными дверями, слышались приглушённые мужские голоса.

– Пойдём, его величество готов с нами встретиться.

Отец с явным удовлетворением окинул меня взглядом: что ж, Лелия смогла угодить хотя бы ему. Что же до горцев, то на их счёт я испытывала большие сомнения.

Створки распахнулись перед нами, словно бы по чьему-то безмолвному приказу, и мы вошли в комнату, залитую мутноватым светом слякотного дня. Его величество король Каллум восседал в высоком кресле, выполненном, кажется, нарочито сдержанно и угловато. И, надо признать, он производил довольно сильное впечатление. Высокий, статный и крепкий для своих лет. Он как будто только что закончил битву и спрыгнул с лошади, едва успев оттереть кровь с лица, – настолько внушительный и чуть диковатый вид у него был. В нём словно бы чувствовались простор и суровость долины Ста холмов. Наверное, именно так я себе его и представила бы, возмись однажды представить.

Голову короля Каллума обхватывал широкий серебряный венец, удивительно благородно сочетающийся с лёгкой сединой спускающихся до плеч волос. Чуть отросшая борода обрамляла его строго поджатые губы. Пронзительно-серый, как небо за окном, взгляд его неспешно скользнул по лицу отца и замер на мне. Король чему-то едва заметно усмехнулся и откинулся на спинку.

А стоящий рядом худощавый черноволосый мужчина, с которым они, похоже, как раз о чём-то разговаривали до нашего с отцом прихода, выпрямился. И тоже вперился в меня, словно в комнате больше никого не было. Крылья его

выдающегося лёгкой горбинкой носа хищно дёрнулись, а брови слегка нахмурились.

И всё бы ничего, но лёгким покалыванием меня коснулась чужая ощупывающая сила. Запах хвои и мха... Друид? Пожалуй, над этим стоило поразмыслить. Но его величество не поторопился представлять гостям этого незнакомца. А тот не поторопился отводить от меня взгляд.

Всё-таки Лелия наслушается от меня за это жёлтое платье! Да как здешние мужчины ещё не ослепли от такого буйства цвета! Кстати, я даже не успела выяснить, может, являться в таком виде пред очи монарха вообще было неприлично.

– Ваше величество, – поклонился отец, и я вместе с ним, скосив на него взгляд.

И, наверное, никто, кроме меня, не заметил, как при этом скривились его губы. Словно его внутренне передёргивало от необходимости клонить голову перед правителем давних неприятелей.

– Ваша светлость, – чистым густым голосом ответил Каллум. – Советник де ла Исла. Что ж, видеть вас перед собой весьма удивительно и странно. Когда от короля Валерио приехал первый посол, я даже не сразу поверил письму, которое он мне передал.

Отец вновь расправил плечи, натягивая на лицо сдержанную улыбку.

– Ничто не происходит просто так, ваше величество. И для моего визита есть самые серьёзные причины. Думаю, нам пора уже пересмотреть давно устаревшие отношения Вархасиии и Глиннхайна. Решить, каким путём мы двинемся дальше. А то и обсудить очевидные выгоды для обеих сторон.

Каллум, слушая его, медленно кивал, однако по его сумрачным глазам, по его неподвижному лицу мало что можно было понять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купити: https://tellnovel.com/schastnaya_elena/izbrannica-hozyaina-holmov

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)